

Георгий Иванов

НЕ
СОБ
РАН
НОЕ

Antiquary
1987

Родной Таюше
от почитателя того, кто
сказал: "... на верной музыке всегда
В надежде на сверкающий подаст снег".
Ветрену.

Ag.

Георгий Иванов

НЕСОБРАННОЕ

под редакцией
и с комментариями
Вадима Крейда

Antiquary
1987

Георгий Иванов, НЕСОБРАННОЕ

Под редакцией и с комментариями
Вадима КРЕЙДА

George Ivanov, NESOBRANNOE

Copyright © 1987 by Vadim Kreyd

All rights reserved

Опубликовано в издательстве "Антиквариат"
Published by ANTIQUARY
594 Chestnut Ridge Rd.,
ORANGE, CT 06477
USA

Library of Congress Catalog Card Number:;

87-060324

**Набор, монтаж и печать выполнены в New England
Publishing Co., 728 Hampden st., Holyoke, MA 01040**

Manufactured in USA

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ
В
СБОРНИКИ**

Для удобства пользования комментариями (см. стр. 116) нумерация каждого стихотворения напечатана на странице слева.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды юный Георгий Иванов обратился с вопросом к маститому Михаилу Кузмину, включать или нет такое-то стихотворение в книгу. Кузмин посмотрел на начинающего поэта с недоумением: "Почему же не включать? Зачем же тогда писали. Если сочинили — так и включайте". Совет Кузмина пропал даром. Способствовала этому и вскоре начавшаяся дружба с Н. Гумилевым. Для Гумилева понятие о книге стихотворений строилось совсем на иной основе. Включать надо далеко не все. Иногда приходится отбрасывать даже удачные стихи, если они не отвечают общему замыслу книги. Сборник стихов должен представлять известное единство, ансамбль, части которого направлены к выявлению всех аспектов общего замысла. Уже сейчас известно более ста пятидесяти стихотворений Гумилева, которые он не включил в свои сборники. Подобная картина открывается перед нами, когда мы начинаем вникать в подробности творческого наследия Г. Иванова.

За полвека в литературе Г. Иванов подготовил к печати десять поэтических сборников. Последний из них "1943—1958 Стихи" вышел через несколько месяцев после кончины Г. Иванова — в старческом доме на юге Франции в августе 1958 г. Его произведения уже при жизни прочно вошли в русскую культуру. А после его смерти поэт Вл. Злобин писал о нем: "Умер Георгий Иванов — лучший из современных поэтов". От ряда больших

русских поэтов Георгия Иванова отличала счастливая способность — постоянно меняться. Каждый его поэтический сборник есть новая ступень, новый уровень художественного развития. Даже слабейшая из его книг — “Памятник славы” — был не просто придатком к предыдущим стихам, но представлял собой новый этап. Все другие его поэтические сборники становились или могли стать явлением в нашей поэзии. Стихи, не вошедшие в его последнюю книгу, на протяжении ряда лет печатались в эмигрантской переодике под общим названием “Посмертный дневник”. Этот большой цикл был собран воедино и опубликован в вышедшем в 1975 г. под редакцией профессоров В. Сечкарева и М. Далтон “Собрании стихотворений” Г. Иванова.

Эта книга, очевидно, была задумана как максимально полное собрание стихотворений, в основном представляющая собою репринт первых изданий. В этом томе содержится 521 стихотворение, и книга имеет ряд несомненных достоинств. Все поэтические сборники Г. Иванова были впервые объединены в одном томе. При жизни Г. Иванова его книги обычно печатались малым тиражом и почти все стали библиографической редкостью. Под редакцией В. Сечкарева и М. Далтон эти сборники были, наконец, переизданы. Другое, еще более важное достоинство этого издания состояло в том, что составители разыскали и опубликовали 57 стихотворений Г. Иванова, которые он сам по разным причинам не включил в свои книги.

В 1980 г. издательство “Лев” в Париже выпустило небольшую книгу “Избранные стихи” Г. Иванова. В ней, помимо перепечатки некоторых стихотворений из каждой поэтической книги эмигрантского периода, имеется также раздел “Стихи, не вошедшие в сборники”. Каждое из шестнадцати стихотворений этого раздела уже имелось в собрании под редакцией В. Сечкарева и М. Далтон. В этом смысле “Избранные стихи” нового ничего не добавили. С точки зрения изучения наследия Г. Иванова ценным в этой книге было предисловие поэта К. Померанцева, лично знавшего Г. Иванова, и, конечно, биографическая справка, написанная И. Одовецкой.

Кроме этих двух книг, ко времени написания настоящего предисловия никаких других посмертных изданий Г. Иванова не существует. Его наследие до сих пор не полностью собрано, и далеко не досконально изучено. Ни на одном языке о нем не написано ни одной книги, и имеется только две диссертации.

В Советском Союзе его стихи последний раз печатались в двадцатые годы в антологии современной поэзии под редакцией Ежова и Шамурина. Затем, насколько нам известно, вплоть до 1982 г. не было ни одной публикации. В 1982 г. в блоковском томе "Литературного наследства" было напечатано одно стихотворение Г. Иванова, посвященное Блоку. Эта публикация сопровождалась тенденциозным комментарием, к тому же не лишенным чисто фактических ошибок, глядящихся особенно выпукло в таком авторитетном и заслуженном издании, как "Литературное наследство". В другом блоковском выпуске "Литературного наследства" был воспроизведен куцый отрывок из письма Г. Иванова поэту Скалдину. Вот, собственно, и все, что сделано в этой области советским литературоведением.

В самиздате же имя Г. Иванова встречалось не редко. То в мемуарах Надежды Мандельштам, то не в слишком толерантных высказываниях А. Ахматовой, записанных Лидией Чуковской. Но вот в семидесятые годы спонтанно вспыхнуло среди читателей поэтического самиздата увлечение Г. Ивановым. Думается, что самиздатские тиражи не уступали прижизненным типографским тиражам (300 экземпляров). В Советском Союзе остался небольшой архив Г. Иванова. Часть бумаг была потеряна. Г. Иванов сам писал, что утрачена была, например, связка писем Блока из Шахматова. При каких обстоятельствах случилась потеря, теперь никто не знает. Также и И. Одоевцева в своих воспоминаниях "На берегах Невы" писала, что, боясь обыска, Г. Иванов рвал какие-то бумаги. Оставшиеся бумаги хранятся в ЦГАЛИ в фонде Г. Иванова. Здесь шесть каких-то единиц хранения, и опись этих "единиц" до сих пор не публиковалась.

На наш запрос о зарубежном архиве И. В. Одоевцева сообщила, что "никакого архива нет", а что было — было унесено по частям друзьями. Так что после получения подобных сведений для собирателя наследия Г. Иванова не оставалось пока ничего лучшего, как кропотливые поиски в старых, редких, забытых периодических изданиях и альманахах. Результатом этих поисков были семьдесят стихотворений Г. Иванова, которые и предлагаются читателю в настоящем издании. Несколько периодических изданий и альманахов, в которых составитель ожидал найти неизвестные стихи Г. Иванова, оказались на Западе недоступными. Для облегчения дальнейших поисков мы включили в это издание первую подробную библиографию. Отличие нашего

издания от двух ранее упомянутых состоит в том, что сюда вошли только незнакомые стихотворения Г. Иванова, а также в том, что они сопровождаются комментариями, порой подробными. Комментированных изданий Г. Иванова до сих пор практически не существовало. Затем мы включили в данную книгу сравнительно большую подборку посвящений, т. е. стихи поэтов разных поколений, писавших Георгию Иванову или о нем. Из этой подборки встает яркий и рельефный образ одного из крупнейших поэтов двадцатого столетия.

Г. Иванов любил при случае вспомнить стихи своего петербургского знакомого, старшего современника Михаила Кузмина:

Бывают странными пророками
Поэты иногда...

“Странным пророком” оказался и сам Г. Иванов, предсказав свое посмертное возвращение в Россию. Одно из его позднейших стихотворений начинается эпитафией из О. Мандельштама: “В Петербурге мы сойдемся снова, словно солнце мы похоронили в нем”. И кончается строфой:

Но поет петербургская вьюга
В занесенное снегом окно,
Что пророчество мертвого друга
Обязательно сбыться должно.

И в другом стихотворении:

Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире,
И опять, в романтическом Летнем саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неспешно пройду...

И отчетливей всего в стихотворении, написанном за несколько недель до смерти:

Хождение по мукам, что видел во сне –
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами.

Вадим Крейд

12 октября 1986 г.

Празднуем в этот день славную мы годовщину.
Вновь Бородинских знамен шелест волнует сердца.
Видит растроганный взор воинств грозные массы,
Слышит ухо пальбу, звонкие клики побед.

Но сияньем иным я взволнован сегодня, —
Не победами лишь светел двенадцатый год:
Юный Пушкин в те дни, миру еще неведом,
Первые ласки муз в Царском Селе узнавал.

Верит сердце мое в грядущую славу отчизны!
Знаю, — последний герой не скоро умрет на Руси.
Но, ответа страшась, судьбу спросить не смею,
Пушкину равный поэт будет у нас когда.

НАСИЛЬНИКИ

Насильники в культурном гриме,
Забывшие и страх и честь,
Гордитесь зверствами своими,
Но помните, что правда есть.

Топчите, гунны, правду Божью,
Не долго ждать уже суда, —
Он грянет, и позорной ложью
Вы не откупитесь тогда.

Нет этот вызов не случаен,
Вопрос решится роковой:
Сраженный в сердце рухнет Каин,
И Авель меч отбросит свой.

3.

Надежда встречи стала бредней.
Так суждено. Мой друг, прости.
Храню подарок твой последний —
Миниатюру на кости.

И в дни, когда мне очень грустно
И нет спасенья в забвении, —
Запечатленные искусно
Сияют мне черты твои.

Глаза, что сердце утешали
Так сладко — смотрят горячо.
Слегка из молдаванской шали
Выходит нежное плечо.

Ты где? В Неаполе иль в Ницце —
Там верно места нет тоске,
Но знай, на каждой ты странице
В моем вечернем дневнике.

Но знай, хоть встреча стала бредней,
Все светит мне ее звезда.
И выльется в мой вздох последний:
Когда же свидимся, когда!

Мы были слепы, стали зрячи
В пожаре, громе и крови.
Да, — кровью братскою, горячей,
Сердца омыты для любви!

Все как впервые: песни слышим,
Впиваем вешний блеск лучей,
Вольней живем и глубже дышим,
Россию любим горячей.

О Воскресении Христовом
Нам не солгали тропари:
Встает отчизна в блеске новом, --
В лучах невиданной зари.

Рассыпались золою сети,
Что были злобой сплетены.
Различий нет — есть только дети
Одной возлюбленной страны.

И каждый, каждый наготове
На меч свой жребий променять,
Горячей крови, братской крови
Благословение принять!

Не снят урожай на Червонной Руси,
И в рабстве бесправия чехи.
Но крест, славянин, терпеливо неси —
Ты ставишь великие вежи!
Истоптаны нивы, дома спалены,
Отчизна в кровавом тумане...
Спешите, спешите на поле войны
За общее дело, славяне!
И дряхлые цепи тевтонских коварств
Не сдержат возмездия лаву,
И рухнут престолы неправедных царств
Славянскому царству во славу!

6.

Снега буреют, тая,
И трескается лед.
Пасхальная, святая
Неделя настает.

Весна еще в тумане,
Но знаем мы — близка...
Плывут и сердце манят
На волю облака.

И радуется Богу
Воскресная земля.
И мне пора в дорогу
В весенние поля.

Иконе чудотворной
Я земно поклонюсь...
Лежит мой путь просторный
Во всю честную Русь.

Лежит мой путь веселый,
На солнышке горя,
Чрез горы и сквозь села
За синие моря.

И стану слушать звоны
Святых монастырей,
Бить земные поклоны
У царских у дверей.

Но вольные вериги
Надежнее тюрьмы, —
Нет сил оставить книги,
Раздумья и псалмы.

Увы! — Из тесной кельи
Вовеки не уйти
К нетленному веселью
По светлomu пути.

Но в душу наплывает
Забывтое давно –
Гляжу не уставая
В высокое окно.

Светлеет дол и речка,
И дальние снега,
А солнце, словно свечка
Святого четверга.

7.

Снова влечет тебя светлое знамя!
Знамя войны!
Мы-то гадали — пробудешь ты с нами
Хоть до весны.

Мы-то надеялись Пасху с тобою
Вместе встречать.
Но отдохнул ты и светлой борьбою
Полон опять!

Сняты твои перевязки недавно,
Щеки бледны.
Но вдохновенно рокочит и славно
Трубы войны!

Сердцу отважного эти призывы
Жизни милей.
Властно зовут тебя дымные нивы
Бранных полей.

Что ж улетай в золотое сиянье,
Милый герой!
Скажем мы тихо тебе на прощанье:
С Богом, родной!

Ангел-хранитель тебя не оставит
В смертном бою.
Недругу в сердце он верно направит
Саблю твою!

8.

Люблю рассветное сиянье
Встречать в туманной синеве,
Когда с тяжелым грохотаньем
Несутся льдины на Неве.

Холодный ветер свищет в уши
С неизъяснимою мольбой...
Сквозь грохот, свист и сумрак глуше
Курантов отдаленный бой.

Облокотившись на перила,
С моста смотрю на ледоход —
И над осколками берила
Встает пылающий восход!

Все шире крылья раскрывая,
Заря безмолвствует, ясна, —
А там внизу кипит живая,
Ледяная голубизна;

И брызги светлые взлетают
То в янтаре, то в серебре...
А на востоке тучи тают
И птицы тихо пролетают
Навстречу огненной заре.

Заря поблекла, и редееет
Янтарных облаков гряда.
Прозрачный воздух холодеет
И глухо плещется вода.

Священный сумрак белой ночи!
Неумолкающий прибой!
И снова вечность смотрит в очи
Гранитным сфинксам над Невой.

Томящий ветер дышит снова,
Рождая смутные мечты.
И вдохновения больного,
Железный город, полон ты!

Дрожат в воде аквамарины,
Всплывает легкая луна...
И времена Екатерины
Напоминает тишина.

Колдует душу сумрак сонный
И шепчет голубой туман,
Что Александровской колонны
Еще не создал Монферан.

И плющ забвения не завил
Блеск славы давней и живой...
Быть может, цесаревич Павел
Теперь проходит над Невой.

Восторга слезы -- взор туманят,
Шаги далекие слышны...
Тоской о невозвратном -- ранят
Вспоминанья старины.

А волны бьются в смутной страсти,
Восток становится светлей,
И вдалеке чернеют снасти
И силуэты кораблей!..

Мы родились в Тоскане старой,
Но с детства бродим да поем.
Всего имущества – гитара
И плащ с оборванным шитьем.

Болонья, Пиза иль Романья,
Деревня, Рим ли – все равно –
Повсюду вольное скитанье,
Повсюду славное вино!

Как сладко на рассвете раннем
Идти полями налегке, –
А вечером, когда устанем
Сидеть за кьянти в кабачке.

Джузеппе арию выводит –
Напев любви, слова тоски...
Потом со шляпою обходит
И собирает медяки.

А я беспечный, за гитарой
Романсы старые бренчу.
За легкий труд в таверне старой
Ночлег и ужин получу.

Давно ли мы играли танцы
И собирали медяки?
Теперь мы оба – новобранцы,
Гарибальдийские стрелки.

Джузеппе – не выводит арий –
Сменил гитару на ружье.
Мы в деревушке на базаре
За лиру продали ее.

Прощайте роши и таверны,
Что заменяли отчий дом...
Шагаем в ногу ровно, мерно
И не жалеем о былом.

Веселый ветер треплет травы,
И освежает душный зной...
Идем, идем на голос славы
За честь Италии родной.

Вернемся живы или ляжем
На поле гнева и любви —
Как знать! Но умирая скажем
Одно: "Италия, живи!"

Выхожу я из леса. Закатный
Отблеск меркнет, тускнеет земля...
Вот он русский простор необъятный –
Все овсы да ржаные поля!

Словно желтое море без края,
Бесконечные нивы шумят,
И над синью лесов, догорая,
Алой лентою светит закат.

О, равнины, привыкшие к вьюгам,
Черноземы и глины пласты –
Вы тяжелым распаханы плугом,
Вы крестьянской молитвой святы.

Полевая уходит дорога,
Загораются звезды вдали...
Сердцу слышно так много, так много
В легком шуме родимой земли...

Так же зыблились нивы густые,
Урожаем гудела земля, –
И тяжелые кони Батыея
Растоптали родные поля!

Сколько было изведено муки,
Сколько горестных пролито слез,
Но простер Благодатные Руки
Над Крещеною Русью – Христос.

Не осилили ложь и коварство,
Не осилили злоба и яд!...
Где татарское темное царство?
Только нивы, как прежде, шумят!

Сколько раз грозовые зарницы
Бороздили твои небеса,
И зловещие черные птицы
Населяли родные леса...

А теперь лишь без счета могилы
Затерялись в раздольных полях...
Где врагов смертоносные силы,
Где их славы развенчанный прах.

Сладко пахнет цветущей гречихой,
Ночь прохладна, ясна и строга.
Знаю – сгинет проклятое лихо,
Верно, – Русь одолеет врага!

Мы окрепли в боренье суровом,
Мы воскресли, Отчизну любя.
Богородица светлым покровом,
Русь, как встарь, осеняет тебя!

В годовщину великих событий,
Люди, в небо глядите смелей!
И шумите, колосья, шумите
Над раздольями русских полей.

У ПАМЯТНИКА ПЕТРА

Уже чугунную ограду
И сад в уборе сентября
Одела в дымную прохладу
Янтарно-алая заря.

Лучами красными одела
На финском камне тень Его,
И снизошло и овладело
Столицей невской волшебство.

Колонны дряхлого Сената,
На дымном небе – провода,
В лучах холодного заката
И мост, и снасти, и вода.

Прислушайся к сирены вою
И к сердцу своему в груди!
Над Петроградом и Невоею
В холодный сумрак погляди!

Какая тайна все объемлет,
Какой простор закрыла синь,
Какая сила выше дремлет
Среди гранитов и твердынь!

Безмолвны сфинксы над Невоею,
Тускнеет пламени игра,
Но торжествует над змеею
Рука Великого Петра.

И в сердце радость расцветает,
И верим утренней заре,
И все тревоги отлетают,
Как будто листья в сентябре.

ПОКРОВ

О, тихое веселье,
О, ясная тоска!
Молитвенная келья,
Как небо высока.

Гляди — туманы тают,
Светлеет синева,
То утро расцветает
Святого Покрова.

Вы, братья, вставайте
До утренней зари,
В веселье распевайте
Святые тропари.

Кто слабый, сирый, пленный —
Над всеми навсегда
Лампадою нетленной
Засветится звезда.

Забудем наши муки,
Уныния улов, --
Опять Благие Руки
Простерли Свой Покров.

Над Родиной крещеной,
Над холодом и тьмой,
Ты вольный, ты прощенный
Владычицей самой.

Хоть ждут тебя сторицей
Сомненья и тоска,
Взвивайся белой птицей,
Лети под облака.

И все изведай встречи
На долгом на пути...
Горите жарко, свечи,
Ты, книга, шелести.

Мы духом не убоги,
Мы верю сильны –
Окончатся дороги
В преддверии весны.

Уже туманы тают,
Светлеет синева,
И утро расцветает
Святого Покрова.

Свершилось. Хитростью упорной
Убита честь. Еще один
Подъемлет меч на ниве черной
Братоубийца палладин!

Ужели, правда, о, болгаре,
Что факел ваш в огне войны,
Ужель в убийственном пожаре
Живые узы сожжены!

Еще не в силах сердце верить
Испепеляющему сну,
Еще рассудку не измерить
Измены черной глубину...

Итак — забыто все, что было:
И честь, и вера, и любовь;
Освобожденная забыла
Освободительницы кровь!

Да, все ужасной дышит новью,
Не черный вымысел, не сон:
Славянский меч славянской кровью
Отныне будет обагрён.

Ударил гром и вынут жребий,
Братоубийцу судит Бог.
Еще один сияет в небе
Величья нашего залог.

И дети гибнувших под Плевной
За честь отчизны — рады лечь...
Но страшен лик России гневной,
В ее деснице — грозен меч!

И с ними тех героев тени,
Благословение и месть,
Что полегли в огне сражений
За жизнь Болгарии и честь!

Пройдут года. Войны потемки
Заменит золото огней...
Прочтут бесстрашные потомки
Страницы скорбных наших дней...

Но ужас в душах колыхнется,
Узнавших черный жребий твой,
И каждый, каждый содрогнется
Перед изменой роковой.

НОВОГОДНИЕ СТАНСЫ

Здесь мебель в стиле рококо
И печь, натопленная жарко.
А в окнах зыблются легко
В морозной мгле дерева парка.

О родовая старина —
Зеленый штоф, портретов лица...
Как далека и ненужна
Теперь гранитная столица.

Как хорошо вдали невзгод
В родной затерянной деревне
Тебя встречать, о Новый год,
С тревогой юною и древней!..

Как хорошо тебя встречать
Так и торжественно и просто,
Но в миг заветный промолчать
И ничего не слышать тоста.

Все ближе, ближе тайный час...
Что скажет вестник лучезарный?
Играй, играй в бокале квас
Холодный чистый и янтарный.

Когда душа ясна моя
И в сердце радостная вера,
Мне эта светлая струя
Милей и слаще реддера.

Двенадцать пробило, и вот
Развеялись тревоги чары,
И только звон еще плывет
От прозвучавшего удара.

Я мирно лягу спать теперь,
И солнца свет меня разбудит.
О сердце, бейся, сердце, верь,
Что Новый год — счастливый будет.

Взойдет морозная заря
За сине-розовым туманом,
И первый лист календаря
Позолотит лучом румяным.

Алее утро расцветет
Красою нежною и зыбкой.
И новый день и Новый год
Я встречу песней и улыбкой.

Мороз и солнце, опять, опять,
Проснись скорее, довольно спать.
Ты видел осень в тревожном сне.
Проснись! Все было в минувшем дне.

Когда умолкнул столицы гул
И серый город во мгле заснул,
Свершилось чудо. Смотри, смотри —
Сутробы блещут в лучах зари.

Мы все грустили, томились все
О снежной белой святой красе.
Так трудно было вздохнуть порой
И вот нагрянул веселый рой.

Ах, ты не видел, ты спал когда
Зажглася в небе зимы звезда,
И белый ангел сияньем крыл
Всю землю нежно засеребрил.

Прошел морозный и первый снег,
И в сердце радость нежданных нег.
Проснись скорее, довольно спать,
Зима и солнце пришли опять.

Опять в минувшее влюбленный,
Под солнцем утренним стою
И вижу вновь с горы Поклонной
Красу чудесную твою.
Москва! Кремлевские твердыни,
Бесчисленные купола.
Мороз и снег... И дали сини –
Ясней отертого стекла.
И не сказать, как сердцу сладко...
Вдруг – позабыты все слова.
Как вся Россия – ты загадка,
Золотоглавая Москва!
Горит пестро Замоскворечье
И вьется лентою река...
Я – в темной церкви. Дышат свечи,
Лампадки теплятся слегка.
Здесь ночью темной и беззвездной
Слова бедны, шаги глухи:
Сам царь Иван Васильич Грозный
Пришел замаливать грехи.
Глаза полны тоскливой жаждой,
Свеча в пергаментной руке...
Кругом опричники – и каждый
Монах в суровом клобуке.
Он молит о раю загробном
И сладко верует в любовь.
А по утру на месте лобном
Сверкнет топор и брызнет кровь.
...Опять угар замоскворецкий
Блеснул и вновь туманом скрыт...
На узких улицах стрелецкий
Несется крик и бунт кипит.
Но кто сей всадник гневноликий,
Глаза блестящие чьи
Пронзили буйственные крики
Как Божий меч – в руке судьи!
И снова кровь на черной плахе
И снова пытки до утра.

Но в грубой силе, в темном страхе
Начало славного Петра.
Сменяли снег листвы и травы
И за весною шла весна...
Дохнуло пламенем и славой
В тот год с полей Бородина.
И вдохновенный и влюбленный
В звезду счастливую свою
Великий – на горе Поклонной
Он здесь стоял, как я стою.
И все дышало шумной славой
Одoleвавшего всегда.
Но пред тобой, золотоголовой,
Его померкнула звезда...
А ты все та же – яркий, вольный
Угар огня и пестроты.
На куполах первопрестольной
Все те же светлые кресты.
И души русские все те же.
Скудеют разом все слова
Перед одним, как ветер свежим,
Как солнце сладостным: Москва.

РУССКАЯ ВЕСНА

О, тайное томленье —
Весенняя тоска,
На душу умиление
Наводят облака.

Все дышит, плещет, тает,
Все в солнце и воде,
Подснежник расцветает
При утренней звезде.

Вся Русь, как будто море
Кудесницы весны,
И в небе птицы, зори
Янтарные и сны.

О, первое томленье
Проснувшихся ветвей,
И боль, и умиление
В тревожности твоей.

А этот легкий холод
Растаявшего льда,
С тобою каждый молод
И счастлив навсегда.

Я радостно-печальный
Путем своим иду,
Конца дороги дальней
Вовеки не найду.

Лишь белой ночью долгой
Припомню жизнь свою,
Над матушкой, над Волгой
Я песню пропою.

Как море широка ты,
Родимая земля,
От беломорской хаты
До славного Кремля.

Мне сладостно бродяжить
В сермяге и с клюкой,
Никто меня не свяжет
Тревогой и тоской.

Иду и не скучаю —
И доли не кляню,
Я песнею встречаю
Кудесницу-весну.

1.

На небе осеннем фабричные трубы,
Косого дождя надоевшая сетка.
Здесь люди расчетливы, скупы и грубы,
И бледное солнце сияет так редко.

И только Нева в потемневшем граните
Что плещется глухо, сверкает сурово
Да старые зданья — последние нити
С прекрасным и стройным сияньем былого.

Сурово желтеют старинные зданья,
И кони над площадью смотрят сердито,
И плещутся волны, слагая преданья
О славе былого, о том, что забыто.

Да в час, когда запад оранжево-медный
Тускнеет, в туман погружая столицу,
Воспетый поэтами, всадник победный
Глядит с осуждением в бездушные лица.

О город гранитный! Ты многое слышал,
И видел ты много и славы и горя,
Теперь только трубы да мокрые крыши,
Да плещет толпы бесконечное море.

И только поэтам, в былое влюбленным,
Известно Сезама заветное слово.
Им ночью глухою над городом сонным
Сияют туманные звезды былого...

2.

Не время грозное Петра,
Не мощи царственной заветы
Меня пленяют, не пора
Державныя Елизаветы.

Но черный, романтический сон
Тот страшный век, от крови алый
...Безвинных оглашает стон
Застенков дымные подвалы.

И вижу я Тучков Буян
В лучах иной, бесславной славы,
Где герцог Бирон, кровью пьян,
Творил жестокий суд неправый.

Анна Иоановна, а ты
В дворце своем не видишь крови,
Ты внемлешь шуму суеты,
Измену ловишь в каждом слове.

И вот одна другой черней,
Мелькают мрачные картины.
Но там за рядом злобных дней
Уж блещет век Екатерины.

Година славы! Твой приход
Воспели звонкие литавры.
Наяды в песне невских вод
Тебе несли морские лавры.

Потемкин гордый и Орлов
И сердце русских войск — Суворов...
Пред ними бледен холод слов,
Ничтожно пламя разговоров!

Забыты как мелькнувший сон,
И неудачи и обиды,
Турецкий флот испепелен.
Под русским стягом — герб Тавриды.

А после — грозные года...
Наполеона — Саламандра
Померкла! Вспыхнула звезда
Победоносца — Александра.

И здесь над бледною Невой
Несли восторженные клики.
Толпа, портрет целуя твой,
Торжествовала день великий.

Гранитный город, на тебе
Мерцает отблеск увяданья...
Но столько есть в твоей судьбе
И черной ночи и сиянья!

Пусть плещет вал сторожевой
Невы холодной мирным гимном.
За то, что стройный облик твой
Как факел славы в небе дымном.

3.

А люди проходят, а люди не видят
О, город гранитный, твоей красоты.
И плещутся волны в напрасной обиде,
И бледное солнце глядит с высоты.

Но вечером дымным, когда за снастями
Закат поникает багровым крылом,
От камней старинными веет вестями
И ветер с залива поет о былом.

И тени мелькают на дряхлом граните,
Несутся кареты, спешат егери...
А в воздухе гасит последние нити
Холодное пламя осенней зари.

Я слышу святые восторги
Победы – и чудится мне
Святой полководец Георгий
На белом крылатом коне.

С веселою песней солдататы
Без страха идут умирать.
Ведь он, полководец крылатый,
Ведет нашу грозную рать.

И клонятся вражьи знамена
И славится имя Твое,
И черное сердце дракона
Разит золотое копье.

Мы все скользим над некой бездной,
Пока не наступает час...
Вот рок туманный и железный
Похитил лучшего из нас!

Блеснули тяжи, и колеса
По гладким рельсам пронеслись,
Да искры -- золотые осы
Снопом сияющим взвились.

Судьба ль шальная так хотела,
Чтоб в тихий сумеречный час
На полотно упало тело
Поэта -- лучшего из нас?

Или простой, нелепый случай...
Не все ли нам равно, когда
Стих вдохновенный, стих певучий
Уже оборван навсегда!

Судьба поэта! Жребий сладкий
Изведать: мудрость, славу, страсть,
И с гулкой поездной площадки
На рельсы черные упасть!

Нет, знаю я, не случай это
Слепой, без смысла и вины --
Судьба великого поэта --
Судьба родной его страны.

Поля отчизны процветали,
Дыша и славя бытие --
Ее железом растоптали
И кровью залили ее!

И поезд, что над славным телом
С тяжелым грохотом прошел,
Сияет перед миром целым,
Немой и горестный символ!

Убита плоть! Но дух чудесен,
Еще вольней свободный дух...
Верхарна вдохновенных песен
Навеки не забудет слух.

Как бесконечно лучезарна
Во веки будет жить она,
Страна Альберта и Верхарна,
Великой доблести страна!

СВЯТОЧНАЯ ПОЕЗДКА

Настали солнечные святки
И снег полозьями деля,
Опять несут меня лошадки
В родные дальние края.

Мороз и снег. Простор и воля.
Дорога ровная долга.
Задорный ветер веет волей,
Блестит зеленая дуга.

И колокольчик подпевает
Веселым звоном ямщику.
И сладко сердце забывает
Свою тревогу и тоску.

Мы все томимся и скучаем
И долю грустную клянем,
Мы ночью звезд не замечаем,
И солнца мы не видим днем.

Но стоит только город бросить,
И снова оживаешь ты,
Вновь сердце бьется, сердце просит
Простой и ясной красоты.

Душой овладевает нега
Пустых таинственных полей.
И что тогда милее снега
И ветра вольного милей?

Плетень разломанный и шаткий
Отбросил голубую тень.
Но резвые — летят лошадки
И вот — уж далеко плетень.

Леса на горизонте, иней,
Темнеет издали река,
А в небе — золотой пустыни —
Плывут, слетая, облака.

Скрипят полозья, точно лыжи,
И напевает бубенец,
Что с каждым шагом ближе, ближе
Дороги сладостный конец.

Как хорошо проснуться дома
(Еще милей, чем дома лечь!)
Все так любимо и знакомо;
Трещит натопленная печь.

Как хорошо напиться чаю
В столовой низкой, в два окна,
Где верно сердцу отвечая,
Покою веет старина.

И сладко знать, что в самом деле
Придут волхвы, зажгут звезду,
Что две счастливые недели
Я в этом доме проведу.

Теплятся жаркие свечи
В сельских убогих церквах,
Тихие слышатся речи,
Тихое горе в глазах.

Ветер шумит над деревней,
Веси пылью поит,
Рядом с старушкою древней
С мальчиком баба сидит.

Низки земные поклоны
Милой-то нынче – солдат.
В темных окладах иконы
Хмуро и тускло глядят.

Вспомнить ли луг изумрудный,
Теплое солнце весной?
Дети... И справиться трудно,
Горько работать одной.

Знаю, родная, что горько.
Бога покрепче моли,
Уж занимается зорька
Красной победы вдали.

Сила немецкая гнется,
Глохнет в неравном бою.
Скоро и милый вернется
В темную хату твою.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Когда я слышу — ветер воеет,
Морозным снегом в окна бьет,
Что сердце тайно беспокоит,
О чем тоска ему поет.

Я слышу, словно отзыв тайный,
И через сумрак голубой,
Неизъяснимый и печальный
Шуршит таинственный прибой.

Растет неясная тревога:
Зовет куда, о чем поет?..
Нагие ветки шепчут строго,
Морозный ветер в окна бьет.

Вот отступает все живое
В объятия мглы, в пределы сна.
И вижу поле роковое,
Где кости павших и луна.

Давно здесь рокотали громы
И стрел врывались дожди —
Разбиты крепкие шеломы,
Недвижны павшие вожди.

Глядит луна холодным взором,
Дробится в омуте ручья;
Над полем крадется дозором
Глухая сила воронья.

Но нет! Бегут виденья ночи,
И, зыбкой славою горя,
С улыбкой смотрит мертвым в очи
Над Русью вставшая заря.

Да, много павших в битве славной.
Но подвиг светлый совершен —
В борьбе тяжелой и неравной
Татарский латник побежден.

О, поле, поле Куликово,
Ты первый луч среди черной мглы!
Достойно имени какого,
Какой достойно ты хвалы.

Навстречу вражеским преградам,
Любовью к родине святы
Удельный князь и ратник рядом
Несли тяжелые щиты.

Пусть гневно кличет ворон черный;
Мы знали – царь всевышний благ.
Мы знали, что нерукотворный
Над Русью светлый веет стяг.

Да, мы падем за честь отчизны,
Мы все костями поляжем тут,
Но даже имя нашей тризны
Потомки славой назовут.

Несите братские молитвы
О всех, о всех, кто пал в бою,
В великий день великой битвы
Погиб за родину свою.

И сквозь свинцовый мрак столетий,
Пожаром сладостным горя,
Моления пламенные эти
Златит нетленная заря!

ДЕКАБРИСТЫ

Декабристы.
 Это первый ветер свободы,
 Что неожиданно сладко повеял
 Над Россией в цепях и язвах.
 Аракчеев, доносы, плети
 И глухие темные слухи
 И слепые страшные вести
 И военные поселенья.
 Жутко было и слово молвить,
 Жутко было и в очи глянуть.
 Суд продажный творил расправу.
 Вдруг повеял ветер свободы,
 Вдруг запели вольную песню
 Декабристы!

День морозный
 Был нерадостным солнцем залит.
 Заиграли трубы в казармах,
 Заблестели холодом ружья,
 И полки на улицу вышли.
 "Ну, товарищи, Бог нас видит.
 Постоим за правое дело,
 Разобьем постылые цепи.
 Есть присяга вернее царской.
 То присяга родины милой,
 Умереть за нее клянемся!"
 Обнимали друг друга плача.
 И сияло зимнее солнце
 Так тревожно, темно, печально,
 Точно знало...

Точно знало:
 Близок час — и серые пушки
 Задымятся вдоль по Галерной,
 И мятежники в страхе дрогнут
 Пред железною царской силой...
 "Все погигло — прощай свобода,
 Чья судьба — тосковать в Сибири,
 Чья судьба — умереть в цепях.

Все погибло — прощай свобода”.
Грохотали царские пушки,
И туманилось дымное солнце,
И неправда торжествовала
На Сенатской площади мертвой.
Вольный ветер свободы милой
Где ты, где ты!

Декабристы!
Умирая на черной плахе,
Задыхаясь в цепях в Сибири,
Вы не знали, какую славой
Имена засияют ваши.
Слава мученикам свободы,
Слава первым, поднявшим знамя,
Знамя то, что широко веет
Над Россией освобожденной,
Светло-алое знамя чести.
Пропоем же вечную память
Тем, кто нашу свободу начал,
Кто свою горячую кровью
Оросил снега вековые —
Декабристам!

28. Мы дышим предчувствием снега и первых морозов
Осенней листвы золотая кольшется пена,
А небо пустынно, и запад томительно розов,
Как нежные губы, что тронуты краской Дорэна.

Желанные губы подкрашены розой заката,
И душистые волосы пахнут о скошенном сене...
С зеленой земли, где друг друга любили когда-то,
Мы снова вернулись сюда – неразлучные тени.

Шумят золотые пустынные рощи блаженных,
В стоячей воде отражается месяц Эреба,
И в душах печальная память о радостях пленных,
О вкусе земных поцелуев, и меда, и хлеба...

29.

Вздохни, вздохни еще, чтоб душу взволновать,
Печаль моя! Мы в сумерках блуждаем
И обреченные любить и умирать
Так редко о любви и смерти вспоминаем.

Над пальмой утренней пустынный небосклон,
Холодный луч дробится по льду...
Печаль моя, ты слышишь слабый стон:
Тристан зовет свою Изольду.

Устанет арфа петь, устанет ветер звать
И холод овладеет кровью...
Вздохни, вздохни еще, чтоб душу взволновать
Вспоминаньем и любовью.

Я умираю, друг! Моя душа черна,
И черный парус виден в море.
Я умираю, друг! Мне гибель суждена
В разувереньи и позоре.

Нам гибель суждена и погибаем мы
За губы лживые, за солнце взора,
За этот свет и лед, и розы, что из тьмы
Струит холодная Аврора.

Мы из каменных глыб создаем города,
Любим ясные мысли и точные числа,
И душе неприятно и странно, когда
Тянет ветер унылую песню без смысла,

Или море шумит. Ни надежда, ни страсть,
Все, что дорого нам, в них не сыщет ответа.
Если ты человек — отрицай эту власть,
Подчини этот хор вдохновенью поэта.

И пора бы понять, что поэт не Орфей,
На пустом побережьи вздохавший о тени,
А во фраке, с хлыстом, укротитель зверей
На залитой искусственным светом арене.

1922

31.

Пожалейте меня, сир!
Я давно позабыл мир,
Я скитаюсь двенадцать лет,
У меня ничего нет!

”Для того чтоб таких жалеть
У меня хороша плеть
У меня молоток-гвоздь
Прямо в кость, дорогой гость.”

1922

32.

Мы живем на круглой или плоской
Маленькой планете. Пьем. Едим.
И, затягиваясь папироской,
Иногда на небо поглядим.

Поглядим и вдруг похолодеет
Сердце неизвестно отчего.
Из пространства синего повеет
Холодом и счастьем в него.

Хочешь что-то вспомнить — нету мочи
Тянешься — не достает рука...
Лишь ныряют в синих волнах ночи
Как большие чайки облака.

1922

Я в мире этом
Цвету и вяну
Вечерним светом
Я скоро стану.

Дохну приветом
Полям и водам
Прохладным летом,
Пчелиным медом.

И ты, прохожий,
Звался поэтом
А будешь тоже
Вечерним светом.

Над тихим садом
Под ветром юга
Мы будем рядом
Забыв друг друга.

1922

34.

Ужели все мечтать, ужели все надеяться
И только для того,
Чтобы закрыть глаза и по ветру развеяться,
Не помня ничего.

И некому сказать, как это называется.
Еще шумит гроза,
Еще сияет день — но сами закрываются
Усталые глаза.

1923

35.

Прорезываются почки
(Как сыро в беседке)
Развертываются листочки
На оттаявшей ветке.

Во все закоулки сада
Тепло проникает
И прошлогодняя падаль
Догнивать начинает.

Сладко нам в лучах серебристых,
Да и некуда деться...
Ничего что сгнием так быстро,
Только б согреться.

1923

Грустно! Отчего Вам грустно
Сердце бедное мое?
Оттого ли что сегодня
Солнца нет и дождик льет?

Страшно? Отчего Вам страшно
Бедная моя душа?
Оттого ли, что приходит
Осень, листьями шурша?

— Нет, погода как погода,
Но наверно веселей
Биться в смокинге банкира
Чем скучать в груди твоей.

— Нет, но завтра, как сегодня
И сегодня, как вчера
Лучше б я была душою
Танцовщицы в Орéга.

— Так нетрудно, так несложно
Нашу вылечить тоску,
— Так нетрудно в черный кофе
Всыпать дозу мышьяку.

— Я Вам очень благодарен
За практический совет.
Я не меньше Вас скучаю
Целых двадцать восемь лет.

1923

37.

Это качается сосна
И убаюкивает слух.
Это последняя весна
Рассеивает первый пух.

Я жил и стало грустно мне
Вдруг, неизвестно отчего.
Мне страшно стало в тишине
Биенья сердца моего.

1923

38.

Забудут и отчаянье и нежность,
Забудут и блаженство и измену, —
Все скроет равнодушная небрежность
Других людей, пришедших нам на смену.

Жасмин в цвету. Забытая могила...
Сухой венок на ветре будет биться
И небеса сиять: все это было
И это никогда не повторится!

39.

Сияет ночь и парус голубеет
И плещет море жалобно шурша,
И как в руках любовника, слабеет
Возлюбленная грустная душа.

Увы, она отлично знает цену
Его мольбам и счастью своему
И все-таки – которую измену –
Который раз она простит ему.

За эти звездно синие шелка,
За этот шепот страсти и печали –
Ложь, за которую во все века
Поэты и влюбленные прощали.

40.

В дыму, в огне, в сиянии, в кружевах,
Да — в кружевах и в страусовых перьях,
В сухих цветах, в бессмысленных словах
И в самых грешных снах и в детских суеверьях...
— Так женщина смеется на балу.
— Так беззаконная звезда летит во мглу.
Ночь. И асфальт блестит. И дождь идет.
И сыростью от Сены тянет.
И вдруг покажется, что это вот
Единственное, что, быть может, не обманет,
Единственное, что не может обмануть...
— Дай руку. Навсегда. Не позабудь...

41.

Серебряный кораблик
На красных парусах
Качается, качается
Качается в волнах.

Ютится у горы
Игрушечная гавань
Из камешков и раковин,
Из дерева и коры.

И голубой осколок
Бутылочного стекла —
Звезда взошла, звезда взошла,
Гляди — звезда взошла!

Ну что, как тебе нравится?
Вот так, повыше, стань:
Направо от нас Нормандия,
Налево от нас Бретань.

Из детской уносят лампу,
Но через пять минут
На тоненькой ножке
Лампа снова тут
 Как луна из тумана,
 Так бела и легка,
 И маленькая обезьяна
 Спускается с потолка.

Маленькая обезьяна.

Мордочка с кулачок.

На груди -- шарманка,

На голове -- колпачок.

Садится на корточки и медленно

вертит

Скрипучую ручку шарманки своей,

И грустная песня о розах и смерти

Баюкает спящих детей.

НА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА РУССКИМИ

Над облаками и веками
Бессмертной музыки хвала:
Россия русскими руками
Себя спасла и мир спасла.

Сияет солнце, вьется знамя
И те же вещие слова:
"Ребята, не Москва ль за нами?"
Нет. Много больше, чем Москва!

44.

Плавают в море различные рыбы,
То в одиночку, то целой гурьбой.
Если тех рыбок поймать мы могли бы,
Были б мы сыты с тобой.

Вялили, жарили, в прок бы солили,
Теплые шубки на рыбьем меху
К зимнему холоду сшили...

45.

Дождя осенняя туманность,
Природы женское тепло...
А я живу – такая странность –
Живу и даже верю в зло.

Все это было, было, было;
Все это было, будет, бу...
Плетется рыжая кобыла,
Везет дрова, везет судьбу.

46.

За тридцать лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего придти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

Отчаянье – успокоение
Как за глухой стеной тюрьмы –
Надежды, страха и волнения
Уж не испытываем мы.

47.

Слава, императорские троны, –
Все о них грустящие тайком,
Задаётся вы на макароны,
Говоря вульгарным языком.

Что мечтать-то: отшумели годы,
Все исчезло, сгнили мертвецы,
Но, пожалуй, рыцари свободы
Те еще отчаянней глупцы.

Мнится им – из пустоты вселенской
Заново, и сладко на душе,
Выгарцует этаким Керенский
На кобыле из папье-маше.

Чтобы снова головы бараньи
Ожидали бы наверняка,
В новом Учредительном Собранье
Плети нового Железняка.

Ну да — немного человечности,
Клочок неснившегося сна.
А рассуждения о вечности...
Да и кому она нужна!

Ну да — сиянье безнадежности,
И жизнь страшна и мир жесток.
А все-таки немного нежности,
Цветка хоть чахлый лепесток...

Но продолжают мучения
И звезды катятся во тьму
И поздние нравоучения,
Как все на свете — ни к чему.

Но черемуха услышит
И на дне морском простит...

О. Мандельштам

Это было утром рано
Или было поздно вечером
(может быть и вовсе не было).

Фиолетовое небо
И, за просиявшим глетчером,
Черный рокот океана.

...Без прицела и без промаха,
А потом домой шажком...

И оглохшая черемуха
Не простит на дне морском!

Как тридцать лет тому назад,
Как тридцать пять, возможно, сорок,
Я заглянул в твой сонный сад,
Царица апельсиновых корок.

Царица лунной шелухи
Сердец, которые не бьются,
Где только мучатся стихи
И никогда не создаются.

И все не разрешен вопрос,
Один из вечных и напрасных —
Что слаще — запах красных роз
Иль шорох туфелек атласных?

51.

Прозрачная, ущербная луна
Сияет неизбежностью разлуки.
Взлетает к небу музыки волна,
Тоской звенящей рассыпая звуки.

— Прощай... И скрипка падает из рук.
Прощай, мой друг!.. И музыка смолкает.
Жизнь размыкает на мгновенье круг
И наново, навеки замыкает.

И снова музыка летит звеня.
Но нет! Не так как прежде — без меня.

Упал крестоносец среди копий и дыма,
Упал не увидев Иерусалима.

У сердца прижата стальная перчатка,
И на ухо шепчет ему лихорадка:

– Зароют, зароют в глубокую яму,
Забудешь, забудешь Прекрасную Даму,

Глаза голубые, жемчужные плечи...
И львиное сердце дрожит, как овечьё.

А шепот слышнее: – Ответ на вопросец:
Не ты ли о славе мечтал, крестоносец,
О подвиге бранном, о битве кровавой?
Так вот, умирай же, увенчанный славой!

Все на свете очень сложно
И всего сложнее мы.
Недоступно, невозможно,
Кроме музыки и тьмы,
Снов, изгнания и сумы.

Все на свете очень просто,
Да и мы совсем просты —
Как могильные кресты,
Как ослиные хвосты —
Досчитай не сбившись до ста
В звонком мире суеты.

И тогда, что пожелаешь
Все твое — и то, и то!
Только, нет, не досчитаешь,
Как не досчитал никто —
Девяносто девять, сто.

54.

А что такое вдохновенье?
Так, будто вскользь, едва, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

На мимолетную минутку
Дохнул, повеял, озарил —
И Тютчев пишет, словно в шутку:
"Оратор римский говорил".

В. Ходасевич

От сумрачного вдохновенья
Устало выйти на простор,
Увидеть море в отдаленьи,
Деревья и вершины гор.

Солоноватый ветер дышит,
Зеленоватый серп встает,
Насторожившись, ухо слышит
Согласный хор земли и вод.

Сейчас по голубой пустыне,
Поэт, для одного тебя,
Промчится отрок на дельфине
В рожок серебряный трубя.

И тихо выступив из тени,
Блестя крылами при луне,
Передо мной, склонив колени,
Протянет лиру ангел мне.

О расставаньи на мосту,
О ней, о черноглазой Ане,
Вздыхнул. А за окном в цвету
Такие русские герани.

И русских ласточек полет.
Какая ясная погода!
Как быстро осень настает
Уже семнадцатого года...

...Как быстро настает зима
Уж пятьдесят седьмого года.
Вздыхнул. Но вздох иного рода –
Изгнание..Тюрьма – сума.
– Не выдержу! Сойду с ума!..

Январский день. На берегах Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы,
Ахматова, Паллада, Саломея? —
Все, кто блистал в тринадцатом году.
Лишь призраки на петербургском льду.

Вновь соловьи засвищут в тополях
И на закате, в Павловске иль Царском,
Пройдет другая дама в соболях,
Другой влюбленный в ментике гусарском.

Но Всеволода Князева они
Не вспомнят в дорогой ему тени,
Ни Олечки Судейкиной не вспомнят, —
Ни черную, ахматовскую шаль,
Ни с мебелью ампирной низких комнат —
Всего того, что нам смертельно жаль.

Теперь я знаю — все воображенье,
Моя Шотландия, моя тоска.
Соленых волн свободное движенье,
Рога охоты, песня рыбака.

Осенний ветер беспокойно трубит
И в берег бьет холодная вода.
Изгнанник ваш, он никого не любит,
Он не вернется больше никогда.

И покидая дикий и печальный,
Его тоскою сотворенный мир,
Не обернется он на звон прощальный
Несуществующих шотландских лир.

В шуме ветра, в женском плаче,
В океанском пенном пенье
— "А могло бы быть иначе"
Слышится, как сожаленье.

Тень надежды безнадежной
Всю тоску, все неудачи
Одевает в саван нежный.
— "А могло бы быть иначе".

Замечает сумрак снежный
Все пути, все расстоянья.
Тень надежды безнадежной
Превращается в сиянье.

Все сгоревшие поленья,
Все решенные задачи,
Все грехи, все преступленья...
— "А могло бы быть иначе".

60.

Душа черства. И с каждым днем черстей.
— Я гибну. Дай мне руку. Нет ответа.
Еще я вслушиваюсь в шум ветвей,
Еще люблю игру теней и света...

Да, я еще живу, но тягочусь
Бессмыслицей земного испытанья.
В игре теней и света я учусь
Великому искусству умиранья.

61.

Теплый ветер веет с юга,
Умирает человек.
Это вьюга, это вьюга,
Это вьюга крутит снег.

”Пожалейте! Сколько горя,
Так ужасно умирать”.
Теплый ветер веет с моря
Да и слов не разобрать.

– Тот блажен, кто умирает,
Тот блажен, кто обречен,
В миг, когда он все теряет
Все приобретает он.

”Пожалейте! Сколько горя”.
И уже не стало сил.
Теплый ветер веет с моря,
С белых камней и могил,
Замечает на просторе
Все, что в жизни он любил.

Проклятие шепотом шлет палачам
Бессильная злоба.
Сиянье. В двенадцать часов по ночам
Из гроба...

В парижском окне леденеет луна,
Шампанское взоры туманит...
И музыка. Только она
Одна не обманет.

Гитарные вздохи ночных голосов –
О, все это было, когда-то –
Над синими далями русских лесов
В торжественной грусти заката,
"Из плена два русских солдата"...
Сиянье. Сиянье. Двенадцать часов.
Расплата.

63.

Синеватое облако
(Холодок у виска)
Синеватое облако
И еще облака...

И старинная яблоня
Зацветает опять
Простодушная яблоня...
(Может быть подождать?)

Все – до странности – русское
(Подожди до семи!)
Это облако узкое
(Улыбнись – и нажми!)

И по русскому синяя
(С первым боем часов)
Безнадежная линия
Бесконечных лесов.

Серая обезьянка,
Мордочка с кулачек,
На спине шарманка,
На голове колпачок.

Садится и медленно крутит ручку
Старой, скрипучей шарманки своей,
И непонятная песня
Баюкает спящих детей:

”Из холода, снега и льда
Зимой расцветают цветы,
Весною цветы облетают
И дети легко умирают.
И чайки летят туда,
Где вечно цветут кресты
На холмиках свежих могил,
Детей, убежавших в рай...”

О, пой еще, обезьянка!
Шарманка, играй, играй!

[ФРАГМЕНТЫ]

65. И что в человеческой участи
Прекраснее участи птиц,
Помимо холодной певучести
Немногих заветных страниц?
66. По крыше дождя дробь,
В саду болота топь.
Ну, прямо копия
Картины Клевера –
Бездарная утопия
Осеннего севера...
67. Творю из пустоты ненужные шедевры
И слушают меня оболтусы и стервы.
68. Я за войну, за интервенцию,
Я за Царя, хоть мертвеца,
Российскую интеллигенцию
Я презираю до конца...
69. ...Кругом безденежье, счета от прачки,
Хула полуврагов, полудрузей подачки.
Зато всю жизнь стучался лбом о стену,
Узнал я цену вам... себе я знаю цену!

Оцуп, Оцуп, где ты был?
Я поэму сочинил,
Съездил в Витебск, Могилев,
Пусть похвалит Гумилев.

Так уж мной заведено:
То поэма, то пшено,
То свинина, то рассказ,
Съезжу я еще не раз.

Сто миллионов накоплю,
Бриллиантов накуплю.
Посмотрите, как я сыт,
Толсторож и знаменит.

Удивив талантом мир,
Жизнь окончу как банкир,
Свой поглаживая пуп,
Уж не Оцуп, а Оцуп.

21 сентября 1921 г.

[ДВЕ СТРОФЫ]

1

Безлюден узкий переулоч.
В тени -- зеленый полумрак.
Порою слышен, странно-гулок,
Прохожих запоздалый шаг.

Примечание: "Особняк" – "Современник", № 11, 1913, стр.24. "Особняк" – без этой строфы – был включен в "Горницу", а затем и в "Лампаду".

2

Но та, как будто вся застыла,
Непринужденна и легка
Облокотилась на перила
И улыбается слегка.

Примечание: "Она застыла в томной позе" – "Лукоморье", № 34, 20 августа 1916, стр. 1. Это стихотворение вошло в "Лампаду", где данная строфа основательно переработана.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ Г.В.ИВАНОВУ**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В этом разделе собраны стихотворения шестнадцати авторов, принадлежащих к разным поколениям. Таким образом, нам предоставляется возможность проследить, как воспринималось творчество и личность ГИ русскими поэтами на протяжении семидесяти лет, т. е. от наиболее раннего стихотворения И. Северянина (1911) до стихотворения поэта третьей эмигрантской волны Александра Радашкевича. В большинстве случаев представлены стихи петербуржцев — однако не потому, что таков был наш преднамеренный выбор. Литературная жизнь ГИ началась в столице на Неве и там же продолжалась до 1922 г. В эмиграции он остался поэтом петербургской школы. Петербуржцами были посвятившие ему стихи Адамович, Ахматова, Гумилев. Мандельштам, Одоевцева, Северянин. Сам перечень имен — впечатляющий! К петербуржцам могут быть отнесены Сумбатов, Трубецкой, Можайская — поэты, проявившие себя в эмиграции. Разумеется, нашу коллекцию посвящений нельзя назвать исчерпывающей. Сюда вошли, например, только два стихотворения Ирины Влади-

мировны Одоевцевой. Лишь в одной ее книге "Златая цепь" содержится десять стихотворений либо с эпитафиями из ГИ, либо посвященных ему. Что касается подобных эпитафий, то они вовсе не редки и у других эмигрантских поэтов, но мы не имели возможности включить их в эту маленькую книжку. Например, к сборнику Анатолия Штейгера "Этот день" предпосланы в качестве эпитафии стихи Г. Иванова:

...Если новая жизнь, о душа,
Открывается в черной могиле,
Как должна она быть хороша,
Чтобы мы о земном позабыли.

Единственное стихотворение в настоящей подборке, не имеющее, строго говоря, формального посвящения, — это "Гиперборей" Василия Сумбатова. Но оно столь очаровательно и столь мало известно, что исключить его из данной коллекции значило лишить ее очень существенного эмоционального качества. Для некоторой полноты картины следует еще упомянуть очень хорошо известное стихотворение О. Мандельштама "От легкой жизни мы сошли с ума", в котором узнается портрет ГИ:

Мы смерти ждем, как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.

Другое упоминание, которое нам кажется уместным, относится к маленькой книжке Сергея Шаршуна "Небо-колокол", вышедшей в 1938 г. и посвященной ГИ. Остается добавить, что стихотворения в этой подборке расположены по хронологическому принципу. Пользуемся случаем выразить свою признательность Эммануилу Штейну за несколько ценных советов библиографического характера.

В. К.

СОНЕТ

Георгию Иванову

Я помню Вас: Вы нежный и простой.
И Вы — эстет с презрительным лорнетом.
На Ваш сонет отвечаю сонетом,
Струя в него кларета грез отстой...

Я говорю мгновению: "Постой!"
И, приказав ясней светить планетам,
Дружу с убого-милым кабинетом:
Я упоен страданья красотой...

Я в солнце угасаю — я живу
По вечерам: брожу я на Неву, —
Там ждет грезэра девственная дама.
Она — креолка древнего Днепра, —
Верна тому, чьего ребенка мама...
И нервничают броско два пера...

Петербург

1911

ДИССОНА

Георгию Иванову

В желтой гостиной, из серого клена, с обив-
кою шелковой,
Ваше Сиятельство любит по вторникам томный
журфикс.
В дамской венгерке комичного цвета, коричнево-
белковой,
Вы предлагаете тонкому обществу ирисный экзс,
Негну вдыхая сигары эрцгерцога абрис фиалко-
вый...

Ваше Сиятельство к тридцатилетнему — модно-
му — возрасту
Тело имеет универсальное... как барельеф...
Душу душистую, тщательно скрытую в шелко-
вом шелесте,
Очень удобную для проституток и для королев...
Впрочем, простите мне, Ваше Сиятельство, алыя
шалости...

Вашим супругом, послем в Арлекинии, ярко
правительство:
Ум и талант дипломата суть высшия качества...
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Как и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое ж лучшее в нем, это — Ваше Сиятель-
ство!

1912

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

(Георгию Иванову)

Милый мальчик, томный, томный,
Помни — Хлои больше нет.
Хлоя сделалась нескромной,
Ею славится балет.

Пляшет нимфой, пляшет Айшей
И грассирует “Çа у est”.
Будь смелей и подражай же
Кавалеру де Грие.

Пей вино, простись с тоскою,
И заманчиво-легко
Ты добудешь — прежде Хлою,
А теперь Манон Леско.

1912

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Георгию Иванову

Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях — клочья ваты,
И грянут "здравия" раскаты
На крик — "здорово, молодцы!"
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Где однодумы-генералы
Свой коротают век усталый,
Читая "Ниву" и Дюма...
Особняки, а не дома!

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась;
Не сомневаюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, в царство этикета —
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой,
Что возвращается домой...

1912

Георгию Иванову

Стадо к полудню уснет, а мы собирать землянику
К лесу тому чрез ручей бродом песчаным пойдем.

Ягоды сочной в траве так радостно видеть кораллы, —
Радостней видеть в кустах милой пастушки лицо.

Там, у жасминных кустов, под сению старой оливы,
Знаю, она меня ждет, чтобы отвергнуть опять.

Нас рассудите, друзья! Дар каждому в мире заслуги.
Я ль Афродиту хулил? Что же смеется она?

Где справедливость богов? Памфил поцелуем утешен, —
Мне в утешенье дана лишь земляника в кустах.

1912

Георгию Иванову

Бисерным почерком пишете, Lise.
Уже не подруге, не старой тетке.
Голуби взлетели на карниз,
Луч заиграл на балконной решетке.

Ваше окошко опять найду
Под веночком, длинной стрелой пронзенным.
Как хорошо в осеннем саду!
Как хорошо быть совсем влюбленным!

Желтое солнце светло блестит,
Желтое платье в окне золотится...
Знаю — она никогда не простит,
Если осмелюсь я ей поклониться.

Георгию Иванову

Но, правда, жить и помнить скучно!
И падающие года
Как дождик, серый и беззвучный,
Не очаруют никогда.

Летит стрела... Огни, любви,
Глухие отплески весла,
Вот, — ручеек холодной крови,
И раненая умерла.

Так. Близок час, — и свет прощальный
Прольет вечерняя заря,
И к "берегам отчизны дальней"
Мой челн отпустят якоря.

РАЗГОВОР

Георгию Иванову

Когда зеленый луч, последний на закате,
Блеснет и скроется, мы не узнаем где,
Тогда встает душа и бродит, как лунатик,
В садах заброшенных, в безлюдьи площадей.

Весь мир теперь ее, ни ангелам ни птицам
Не позавидует она в тиши аллей.
А тело тащится вослед и тайно злится,
Угрюмо жалясь на боль свою земле.

– “Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливом,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет “La p'tite Tonkinoise”.

– “Уж карты весело порхают над столами,
Целят скучающих, мирят их с бытием.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое”.

– “Подумай, каково мне с этой бесноватой,
Воображаемым внимая голосам,
Смотреть на мелочь звезд; ведь очень небогато
И просто разубрал Всевышний небеса”. –

Земля по временам сочувственно вздыхает,
И пахнет смолами, и пылью, и травой,
И нудно думает, но все-таки не знает,
Как усмирить души мятежной торжество.

Г. И.

Летят на юг соловьи
Дорогой певучей и дальней.
Улыбаются губы твои,
Но сердце мое печально.

Откуда печаль моя
Хотя бы лишь на мгновенье?
Ведь мне улыбка твоя
Как соловьиное пенье.

1922

РОЗА СМЕРТИ

Георгию Иванову

В черном парке мы весну встречали,
Тихо врал копеечный смычок,
Смерть спускалась на воздушном шаре,
Трогала влюбленных за плечо.

Розов вечер, розы носит ветер.
На полях поэт рисунок чертит.
Розов вечер, розы пахнут смертью
И зеленый снег идет на ветви.

Темный воздух осыпает звезды,
Соловьи поют, моторам вторя,
И в киоске над зеленым морем.
Полыхает газ туберкулезный.

Корабли отходят в небе звездном,
На мосту платками машут духи,
И сверкая через темный воздух
Паровоз поет на виадуке.

Темный город убегает в горы,
Ночь шумит у танцевальной залы
И солдаты покидая город
Пьют густое пиво у вокзала.

Низко низко, задевая души,
Лунный шар плывет над балаганом,
А с бульвара под орган щедушный,
Машет карусель руками дамам.

И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливою: смерть.

Георгию Иванову

В холодных душах свет зари,
Пустые вечера.
А на бульварах газ горит,
Весна с садами говорит.
 Был снег вчера.

Поет сирень за камнем стен,
Весна горит.
А вдалеке призыв сирен,
Там, пролетая сквозь сирень,
Автомобиль грустит.

Застава в розовом огне
Над теплою рекой.
Деревья все еще во сне,
Сияет церковь на холме,
 Подать рукой.

Душа, тебе навек блуждать
Средь вешних вьюг,
В пустом предместьѣ утра ждать,
Где в розовом огне года
 Пльвут на юг.

Георгию Иванову

Он неожиданно пришел —
Мой новый день. И я заметил
Тот желтый луч, что лег на стол,
И стол вдруг стал высок и светел,

И книги пыльные на нем,
Карандаши и писем связки —
Все излучалось, все огнем
Горело и меняло краски.

Вот так и мы однажды — вдруг,
Каким-то движимые чувством,
Засветимся, расширим круг
Давно затертого искусства.

Освободясь от шелухи
Ненужных слов, в глухой тревоге —
Напишем новые стихи
О ветре в поле и о Боге.

К. ПОМЕРАНЦЕВ

Георгию Иванову

Сумерки... Море... Любовь... Вдохновение...
Лунный пейзаж восхитительно нем...
Только увы: это все повторение
Старых, избитых, заезженных тем.

Все мы любили, страдали бессонницей,
Пили вино, толковали о зле...
Только с тех пор бронированной конницей
Страшные годы прошли по земле.

Сумерки... Море... Вино... Вдохновение...
Каждый по своему жизнь загубил.
Каждый по своему до отвращения
И ненавидел и нежно любил.

''ГИПЕРБОРЕЙ''

Ахматова, Иванов, Мандельштам –
Забывтая тетрадь ''Гиперборея'' –
Приют прохожим молодым стихам –
Счастливых лет счастливая затея.

Сегодня я извлек ее со дна
Запущенного старого архива,
Иль сорок лет – еще не старина?
И уцелеть среди них совсем не диво?..

''Октябрь. Тетрадь восьмая. Девятьсот
Тринадцатого года'' ... год заката,
Последний светлый, беззаботный год.
Потом – не жизнь: расправа и расплата.

Тетрадь – свидетель золотой поры,
Страницы, ускользнувшие от Леты
Раскрыл, читаю, а глаза мокры:
Как молоды стихи! как молоды поэты!

И как я стар! Как зря прошли года!
Как впереди темно и как пустынно сзади!
Как жутко знать, что от меня следа
Никто не встретит ни в какой тетради.

Георгию Иванову

Умер друг – не плачь, душа, не надо...
Умер друг – почему ж я плачу?
Ничего не знаю я, не значу
В тайнах смерти, жизни, рая, ада...

Почему твоей руки из воска
Мертвой, вечной, страшной не коснуться?
Ты мечтал – Империя, березка...
Но мечтам к могиле не вернуться.

Помнишь, говорил мне: "Здравствуй, Коша",
Пил со мной из одного стакана,
Тяжела была земная ноша,
Горек хлеб, неисцелима рана...

Господи, не надо смрадной гнили,
Тяжести, безумия, сомненья:
Знаю – нет тебя в твоей могиле,
Верю в славу, вечность, воскресенье.

Помолчи, все это очень просто –
Жизнь и смерть – струна что рвется в лире,
Крест на дальнем, как мечта, погосте,
И звезда, горящая в эфире.

Г. И.

**Тихо, тихо тает высь...
Помолчи и помолись.**

**У кладбищенских ворот
Молча воскресенья ждет**

**Друг, его похорони,
Голову пред ним склони,**

**Помолись о том, чтоб он,
В вечности преображен,**

**Вспоминая и любя,
Помолился за тебя.**

Г. И.

Но была ли на самом деле
Эта встреча в Летнем Саду
В понедельник, на Вербной Неделе,
В девятьсот двадцать первом году?

Я пришла не в четверть второго,
Как условлено было, а в пять.
Он с улыбкой сказал: — Гумилева
Вы бы вряд ли заставили ждать.

Я смутилась. Он поднял высоко,
Чуть прищурившись, левую бровь.
И ни жалобы, ни упрека.
Я подумала: это любовь.

Я сказала: — Я страшно жалею,
Но я раньше придти не могла.
Мне почудилось вдруг — на аллею
Муза с цоколя плавно сошла.

И бела, холодна и прекрасна,
Величаво прошла мимо нас,
И все стало до странности ясно
В этот незабываемый час.

Мы о будущем не говорили,
Мы зашли в Казанский Собор
И потом в эстетическом стиле
Мы болтали забавный вздор.

А весна расцветала и пела
И теряли значенья слова
И так трогательно звенела
Меж торцов на Невском трава.

1964

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

...Только расстоянье стало уж
Между вечной музыкой и мной.

Георгий Иванов

Южный день, морское побережье...
Солнечное острое блистанье...
Все другое, – но страданья те же
И все та же боль воспоминанья.
Было... было... душу просверлило
Это слово. "Было" и "навек".
Жили-были, верили, любили,
А теперь на Вавилонских реках...
А теперь – докучные соседи,
Гневно скомканный листок бумажный,
Разговор о картах и обеде,
О болезнях, о таком неважном...
Потому что важно только это,
То, что в муке прорастает словом,
Что мелькает с быстротою света
Над цветеньем кактуса лиловым
Музыкой... Но грудь почти не дышит.
Музыка – немыслимое чудо,
Та, которой на земле не слышат,
Но едва услышав – не забудут.
Ошупью, со страхом, осторожно...
Как постичь внезапное блистанье
Музыки, с которой невозможно?
Без которой невозможно тоже,
Задыхаясь ночью на постели...
Ночью в парке голубые ели
На суровых иноков похожи...
Мрак. Провал. И вдруг – прорыв в сиянье
К музыке с бессмертными словами...

— — — — —
Вот уж не стало расстоянья
Между вечной музыкой и Вами.

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

На приснившейся тебе планете,
На земле извечно молодой,
Есть сады, где радуются дети, —
Жизнь еще не ставшая враждой.

Словно музыка другого сада,
Та, что мы поэзией зовем.
Может быть, поэту и не надо
О блаженстве тосковать ином?

Эти звуки ты занес откуда
В ледяную безнадежность дня?
Из Эллады ли явилось чудо
Иль в Иране родина твоя?

Георгию Иванову

О, Планида-Судьба, поминдальничай,
Полимонничай, попельсинничай,
Чтоб душа пожила не страдалицей,
Пожила бы душа именинницей,

Баловницей, царицей, капризницей!
Захотелось душонке понежиться –
Потому что еще мы не при смерти,
Далеко до зубовного скрежета.

Сокруши-ка, Судьба, врата адовы,
Улыбнись ты Дуреха Ивановна,
Чтобы райской невиданной радости
Было море кругом разлитое!

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

В огнях полночи и передутра
вы – отплывающий на Цитеру
в густых шелках Ватто.
В руинных кручах гаваней Лоррена
вы – пивший праземли лобзание-дыханье
в глазах овец, сивилл и Аполлона,
при помавании сновиденных дерев.
А после вы – невиданный Назон,
из Рима злачного молящийся о Томах,
о грешных взглядах васильков, о варварах
на варварских сугробах...

Всех сборов последние –
кротче и строже: из простыни белой –
и в белые ночи, где Павловска тропы
у окон вагонных и вьюга слепая
несется Невой, проходит Фонтанкой,
клубится над Царским, и лица в ней молча
минуют друг друга.

КОММЕНТАРИИ

1. 26 АВГУСТА 1912 г.

Напечатано в журнале "Гиперборей", № 2, 1912. Стихотворение написано после выхода в свет первого поэтического сборника Г. Иванова "Отплытие на о. Цитеру" (начало 1912). По тематическому признаку оно не могло войти во вторую книгу "Горница" (1914). Таким образом оно осталось невключенным в прижизненные сборники Г. Иванова. Посмертно оно также не перепечатывалось. В этом стихотворении отразилось увлечение неозллизмом А. Скалдина — ныне забытого поэта, в свое время близкого кругу Вяч. Иванова. В издательстве "Оры", где публиковались книги Вяч. Иванова, Блока, Кузмина, Верховского, Александр Дмитриевич Скалдин (1889 — 1943) выпустил свою книгу "Стихотворения 1911 — 1912". В нее вошло в частности одно стихотворение, посвященное Г. Иванову:

Стадо к полудню уснет, а мы собирать землянику
К лесу тому чрез ручей бродом песчаным пройдем.

Ягоды сочной в траве так радостно видеть кораллы, —
Радостней видеть в кустах милой пастушки лицо.

Там, у жасминных кустов, под сению старой оливы,
Знаю, она меня ждет, чтобы отвергнуть опять.

Нас рассудите, друзья! Дар каждому в меру заслуги.
Я ль Афродиту хулил? Что же смеется она?

Где справедливость богов? Памфил поцелуем утешен, —
Мне в утешенье дана лишь земляника в кустах.

О дружбе Г. Иванова со Скалдиным находим сравнительно многочисленные свидетельства. Например, в дневнике Блока читаем запись от 18 ноября 1911 г.: "Днем пришел Георгий Иванов (бросил корпус, дружит со Скалдиным, готовится к экзамену на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет)". Одно из стихотворений первой книги Г. Иванова посвящено А. Д. Скалдину. Оно также написано в духе неозллизма, как и стихи Скалдина, посвященные Г. Иванову:

Осени пир к концу уж приходит:
Блекнут яркие краски.
Солнце за ткани тумана
Прячется чаще и редко блистает.

Я тоской жестокой изранен,
Сердце тонет в печали.
Нету со мною любимой.
Ах! Не дожидаться мне радостной встречи...

В 1914 г. Г. Иванов находился в переписке со Скалдиным. Фрагмент одного из его писем опубликован в "блоковском" выпуске "Литературного наследства". В первом издании "Петербургских зим" (1928) одна из глав посвящена Скалдину, который, впрочем, назван не по имени, но лишь инициалом "поэт С". Во второе издание "Петербургских зим" глава о Скалдине не включена.

2. НАСИЛЬНИКИ

Написано в самом начале первой мировой войны. Опубликовано в "Аполлоне", № 6, 1915, стр. 7. Впоследствии вариант этого стихотворения был включен в сборник Г. Иванова "Памятник славы" (1915). Название и первая строфа были исключены. Вторая строфа в "Памятнике славы" начинается (ср.): "Враги, топчите правду Божью"; изменена также пунктуация. В третьей строфе изменена была только пунктуация.

3. Надежда встречи стала бредней

Напечатано в апреле 1915 в альманахе "Зеленый цветок", Пг., стр. 25. Это было благотворительное издание и на титульном листе в виде подзаголовка напечатано: "Доход с настоящего сборника поступает в пользу лазарета для раненых воинов..." Участниками этого коллективного издания были: Г. Адамович, А. Блок, В. Воронов, В. Галахов, Н. Галузин, А. Герлит, Ю. Гончаров, М. Долинов, Р. Ивнев, Martroy, Б. О-в, И. Оксенов, А. Попов, Б. Садовской, Г. Славинтский, М. Струве, В. Чернявский. Альманах открывается эпиграфом из З. Гиппиус:

Зеленолистому цветку привет!
Идем к Зеленому дорогой красной...

К стихам первой строфы "Храню подарок твой последний — миниатюру на кости" можно найти обширный комментарий в очерке Г. Иванова "Китайские тени" ("Звено", № 195, 24 октября 1926). Настоящее стихотворение по своему характеру тесно примыкает к трем последним стихотворениям в книге Г. Иванова "Вереск".

4. С НАМИ БОГ (Мы были слепы, стали зрячи)

Напечатано в антологии "Современная война в русской поэзии". Составитель Б. Глинский. Выпуск 2. Пг., 1915, стр. 84.

5. ЗАПАДНЫМ СЛАВЯНАМ (Не снят урожай на Червонной Руси)

Напечатано в антологии Б. Глинского "Современная война в русской поэзии", вып. 2. Пг., 1915, стр. 87. О первом томе этой антологии Г. Иванов писал в "Аполлоне": "Под редакцией Б. Глинского вышел толстый водянистый том... Выбор произведений в нем сделан без всякого вкуса — и даже благотворительная цель сборника не позволяет отозваться о нем сколько-нибудь с похвалой".

6. Снега бурюют, тая

Напечатано в журнале "Лукоморье", № 11, 14 марта 1915, стр. 10. В этом журнале, издаваемом Сувориным, Георгий Иванов весьма активно сотрудничал на протяжении 1915 — 1917 гг. В "Лукоморье" им было опубликовано около 50 стихотворений и несколько рассказов.

7. Снова влечет тебя светлое знамя!

Опубликовано в еженедельном журнале "Лукоморье", № 12, 1915. Никогда не перепечатывалось. О сотрудничестве Г. Иванова в этом журнале пишет И. В. Одоевцева в книге "На берегах Сены" (Париж, 1983): "В 'Лукоморье', издаваемом Алексеем Сувориным... он печатал стихи не только под своим именем, но и под псевдонимом... Как-то редакторшу 'Лукоморья', фамилию ее я забыла, спросили: 'Почему у вас нет Блока?' Блок был чуть ли не единственным петербургским поэтом, никогда не печатавшимся в 'Лукоморье'. Она развела руками: 'Ну на что Блок? Ведь у нас имеется Георгий Иванов' (стр. 481).

8. Люблю рассветное сиянье

Напечатано в журнале "Лукоморье", № 15, 11 апреля 1915, стр.12. Стихотворение тематически и хронологически примыкает к циклу "Столица на Неве", состоящему из шести стихотворений и включенному в третий поэтический сборник Г. Иванова "Памятник славы".

9. ПЕТРОГРАДСКИЕ ВОЛШЕБСТВА (Заря поблекла, и редееет) "Лукоморье", № 21, 23 мая 1915. Как и предыдущее стихотворение, "Петроградские волшебства" примыкает к петербургскому циклу, включенному в сборник "Памятник славы", кстати, изданному тем же издательством "Лукоморье", которым выпускался и одноименный журнал. По каким причинам данное стихотворение не было включено в "Памятник славы" — неизвестно. Например, лучшее стихотворение этой книги "Опять на площади Дворцовой" также впервые было напечатано в журнале "Лукоморье" (под названием "Морозный день") и затем было перепечатано в "Памятнике славы" (1915).

10. ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ (Мы родились в Тоскане старой) "Лукоморье", № 22, 30 мая 1915, стр. 11.

Это стихотворение фактически относится к циклу "Песни союзных солдат" в "Памятнике славы" (1915), но не могло быть включено в книгу, так как "Памятник" к этому времени уже находился в печати или — скорее — был уже опубликован.

11. ГОДОВЩИНА ВОЙНЫ (Выхожу я из леса. Закатный) "Лукоморье", № 30, 25 июля 1915, стр. 13. Это стихотворение представляет собой не столько отклик на годовщину войны, сколько на вышедшую в свет в мае 1915 г. маленькую книжку Блока "Стихи о России". Через несколько месяцев Г. Иванов писал о сборнике Блока в "Аполлоне": "Мы не подозревали, читая в каталогах об этой маленькой книжке 'военных' стихов, что на серой бумаге, в грошовом издании, нас ожидает книга из числа тех, которые сами собой заучиваются наизусть, чьими страницами можно дышать, как воздухом". "Годовщина войны" написана именно в том ключе "лирического познания России", о котором писал Г. Иванов в своей "аполлоновской" рецензии о стихах Блока.

12. У ПАМЯТНИКА ПЕТРА (Уже чугунную ограду)

“Лукоморье”, № 37, 1915. Ср. с двумя стихотворениями в книге “Памятник славы”: “Бронзовые полководцы” и “К памятнику Суворова”.

13. ПОКРОВ (О тихое веселье)

“Лукоморье”, № 40, 1915, стр. 1.

Очень большое число стихотворений Г. Иванова петербургского периода являются составной частью того или иного цикла. Данное стихотворение входит в так называемый “лубочный” цикл, полнее всего представленный одиннадцатью стихотворениями во втором разделе книги “Лампада” (первое издание — в 1922). Неизвестно, по каким причинам это стихотворение в “Лампаду” не вошло. Упомянутый второй раздел в “Лампаде” — определяющий; название сборника возникло на основании стихотворений, вошедших в этот раздел. “Покров” чрезвычайно близок этому циклу, а четвертая строфа данного стихотворения звучит, пожалуй, как эпиграф:

Кто слабый, сирый, пленный —
Над всеми навсегда
ЛАМПАДОЮ нетленной
Засветится звезда.

Однако определяющим для названия этого сборника явилась строфа из другого стихотворения — включенного в “Лампаду”:

Слова теплятся лампы
Ярче звезд у алтаря.
В сердце сладостной отрады
Занимается заря.

Образ лампы важен в поэзии Г. Иванова в том отношении, что вся его поэзия, вместе взятая, может быть определена как роман о внутреннем свете.

14. БОЛГАРАМ (Свершилось. Хитростью упорной)

“Лукоморье”, № 41, 1915, стр. 1.

15. НОВОГОДНИЕ СТАНСЫ (Здесь мебель в стиле рококо)

“Лукоморье”, № 1, 1 января 1916, стр. 1.

В 1915 г. Г. Ивановым написан целый ряд стихотворений, посвященных теме “родовой старины”, жизни в усадьбе, в сельском

уединении. В некоторых из них еще слышны интонации Михаила Кузмина, и самый строй этих стихотворений определяется тем настроением, о котором сказано у Кузмина: "Кроток дух, исполнен тихих нег". Частью подобные стихотворения включены были Г. Ивановым в его четвертую книгу — "Вереск" (1916). Некоторые из них вошли в "Лампаду". Настоящее стихотворение было написано в декабре 1915 г. и не могло войти в "Вереск", так как сборник этот вышел в свет не позднее декабря 1915 г., хотя на титульном листе указан 1916-ый год. В библиотеке Гарвардского университета хранится экземпляр первого издания "Вереска" с автографом Г. Иванова. Автограф датирован рукой Г. Иванова — декабрь 1915 г.

16. Мороз и солнце, опять, опять
"Лукоморье", № 2, 9 января 1916, стр. 1.

17. МОСКВА (Опять в минувшее влюбленный)
"Лукоморье", № 4, 23 января 1916, стр. 4.

Стихотворение навеяно имевшей место в 1915 г. поездкой Г. Иванова в Москву для переговоров с издателем Кожебаткиным о публикации сборника стихотворений "Вереск" в издательстве "Альциона"; печатавшем книги современных поэтов. Во время своего пребывания в Москве Г. Иванов встретился, в частности, с Борисом Садовским — писателем, в некоторой степени повлиявшим на творчество молодого Г. Иванова. Для Садовского же Москва была более, чем только любимым городом, она для него была чем-то вроде идеологии.

18. РУССКАЯ ВЕСНА (О, тайное томленье)
"Лукоморье", № 18, 30 апреля 1916, стр. 1.

19 – 21. СТИХИ О ПЕТРОГРАДЕ

Первое стихотворение этого триптиха напечатано в "Лукоморье", № 47; два других — в следующем номере (26 ноября 1916, стр. 8). Ср. третью строфу стихотворения "Не время грозное Петра" со стихотворением "Тучкова набережная", написанным одновременно и напечатанным в "Аполлоне" (ноябрь-декабрь, 1916), а позднее включенном в сборник "Сады" ("Петрополис", 1921).

22. Я слышу святые восторги

“Лукоморье”, 48, 26 ноября 1916, стр. 1.

В этом же номере еженедельника “Лукоморье” было напечатано еще два стихотворения Г. Иванова (№№ 20 и 21 в настоящем издании).

23. ВЕРХАРН (Мы все скользим над некой бездной)

“Лукоморье”, № 59, 10 декабря 1916, стр. 1.

24. СВЯТОЧНАЯ ПОЕЗДКА (Настали солнечные святки)

“Лукоморье”, № 52, 1916, стр. 8.

25. Теплятся жаркие свечи

“Лукоморье”, 21 января 1917.

26. КУЛИКОВО ПОЛЕ (Когда я слышу – ветер воет)

“Лукоморье”, № 6, 4 февраля 1917, стр. 1.

27. ДЕКАБРИСТЫ

“Лукоморье”, 14, 25 апреля 1917, стр. 1.

Это единственный известный нам отклик в стихах Г. Иванова на Февральскую революцию. Ср. с высказыванием Г. Иванова об Осипе Мандельштаме: “Нет у Мандельштама непосредственных откликов на события 1917 года”, – утверждает Глеб Струве. Есть, есть и даже в довольно большом количестве... Только искать их надо не в “Аполлоне”, а во второстепенных еженедельниках и газетах того времени. Очень непосредственные отклики, хотя и довольно посредственные...”

28. Мы дышим предчувствием снега и первых морозов

Напечатано в альманахе “Литературная мысль”, № 1, изд. “Мысль”, Пг., 1922. Под стихотворением дата: “Сентябрь, 1921”. Перепечатано без даты под стихотворением, но без других разночтений, кроме пунктуационных, в альманахе “Цех поэтов”, вып. 1, Берлин, издательство С. Ефрон, 1923 (?), стр. 36. Ср. со стихотворением Б. Садовского “Июньский закат”, напечатанным в антологии “Чтец-декламатор. Стихи и проза”, т. III, Киев, типография “Петр Барский”, 1908, стр. 407-408. Г. Иванов пережил некоторое кратковременное влияние со стороны Бориса Садовского, но найти следы этого влияния в 1921 г. представляется чем-то предельно неожиданным. Вероятнее всего, перед нами факт

подсознательной инерции давно пережитого влияния:

Борис САДОВСКОЙ

ИЮЛЬСКИЙ ЗАКАТ

1

Июльский закат преисполнен блаженным поко-
ем.

В нем чудятся шопот свиданья и вздохи раз-
луки.

Колышется зарево – словно вожди перед боем
К последней мечте простирают багряные руки.

Плавают и рдеют, потупясь, стыдливые зори.
Румянец их кроток; их робкие вздохи безмолв-
ны.

Колышется зарево – словно в пурпурное море,
Подняв паруса, устремляются алые челны.

Мечты заревья нежней, их роптанье печальней.
С трещаньем стрекоз снизошли благодатная
росы.

Колышется зарево – словно, склонясь над купаль-
ней,

Багряная дева струит золотистые косы.

29. Вздохни, вздохни еще, чтоб душу взволновать
Напечатано в альманахе "Петербургский сборник. Поэты и бел-
летристы", Пб., 1922, стр. 14. Стилистически примыкает к стихо-
творениям в книге "Сады" (1 издание – 1921). Не включено ни
в один из сборников, повидимому, по той причине, что акмеизм,
основанный на равновесии всех особенностей стихотворения, из-
бегал слишком интимных или слишком сильных признаний.

30. Мы из каменных глыб создаем города
Напечатано в сборнике "Цех поэтов", книга 4, Берлин, 1923.
Является первым в подборке из 12 стихотворений Г. Иванова,
напечатанных в самом последнем сборнике гумилевского "Цеха".

Место этого стихотворения в подборке совершенно не случайно, так как это наиболее программные и наиболее полемические стихи, по сравнению с остальными. Уже первая строка напоминает об акмеистической книге О. Мандельштама "Камень". Вторая строка есть не что иное как переформулировка — столь любимой акмеистами "прекрасной ясности", воспринятой, в частности, от Михаила Кузмина. Третья и четвертая строки — полемический выпад против символизма, в частности, той неотчетливо вербализованной музыкальности, которая видна, например, в верленовской "Песни без слов", столь близкой русским символистам. Гумилевский волевой подход к поэзии как к ремеслу отчетливо звучит в последних двух строках этого стихотворения. Стихи эти написаны в тот год, когда вышел самый последний поэтический сборник ("Лампада") петербургского периода Г. Иванова. Следующая его книга "Розы" вышла через много лет (1931) и представляла собою чрезвычайно сильное изменение в поэтике и эстетике Г. Иванова. Словом, в "Лампаду" (1922) это стихотворение было включено поздно, так как стихотворение писалось, когда "Лампада" или вышла или должна была выйти в свет. В "Розы" же это стихотворение было включено также поздно, так как к тому времени Г. Иванов во многих отношениях перерос накладываемые акмеизмом ограничения. Таким образом это стихотворение было намеренно оставлено невключенным ни в один из поэтических сборников.

31. Пожалейте меня, сир!

Примыкает по своему настроению и полемическому характеру к предыдущему и напечатано под № 2 в подборке в "Цехе поэтов, книга 4. Позднее наметился в поэзии Г. Иванова сдвиг от Гумилева к Анненскому с его острым чувством жалости, которое когда-то было отмечено Вяч. Ивановым в его статье об Анненском, представляющей собой едва ли не лучший анализ творчества этого поэта. Об этом сдвиге Георгий Иванов с особенной отчетливостью говорит в стихотворении, написанном в пятидесятые годы:

Я люблю безнадежный покой,
В октябре — хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищету...

Тишину безымянных могил,
Все банальности "Песен без слов",
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилев.

32. Мы живем на круглой или плоской

Стихотворение удивительно в том отношении, что оно с замечательной отчетливостью предвосхищает самый главный мистический мотив сборника "Розы", вышедшего в свет через девять лет после того, как было написано это стихотворение. В "Розах" можно найти немало параллельных строк, которые можно прочитать, в частности, как самый лучший комментарий к стихотворению "Мы живем..." Вот один из нагляднейших примеров продолжения и уточнения этого мистического мотива:

Закроешь глаза на мгновенье
И вместе с прохладой вдохнешь
Какое-то дальнее пенье,
Какую-то смутную дрожь.

И нет ни России, ни мира
И нет ни любви, ни обид –
По сиюму царству эфира
Свободное сердце летит.

Или пример из другого стихотворения, также в "Розах":

В глубине, на самом дне сознания,
Как на дне колодца – самом дне –
Отблеск нестерпимого сиянья
Пролетает иногда во мне.

Сам этот мотив, о котором мы говорим, справедливо было бы назвать "сияния" — точно так же, как З. Н. Гиппиус назвала сборник своих поздних стихов.

По непонятным причинам это стихотворение не было включено в "Розы", что нельзя объяснить и забывчивостью, так как три стихотворения из этих двенадцати, опубликованных в "Цехе поэтов" были включены Г. Ивановым в его "Розы". В настоящее

время нам представляется возможным только одно объяснение, почему стихотворение "Мы живем" осталось не включенным ни в один из сборников Г. Иванова. — Он, вероятно, не хотел помещать его в "Розах", чтобы не сгущать этот центральный мотив, о котором мы говорили, ибо иначе было бы утрачено — от повторяемости — впечатление глубины и космической значительности этих "сияний". При этом надо подчеркнуть, что поэт всегда тщательно работал над отбором и последовательностью стихотворений для каждой своей книги.

33. РОЗА (Я в мире этом)

Опубликована в "Цехе поэтов", кн. 4. Насколько нам известно, позднее никогда не перепечатывалась. Тематически примыкает, конечно, к сборнику "Розы", но на самом деле, представляет собою стихотворение переходного характера между лучшей книгой петербургского периода — "Садами" (1921) и первой парижской книгой стихов. С "Садами" это стихотворение роднит мотив перевоплощения, понятного как перевоплощение феноменов. См. в особенности 3 и 4 строки этого стихотворения и его третью строфу.

Для акмеистов мотив метампсихоза был довольно обычным. Его нетрудно найти в стихах О. Мандельштама. Гумилев говорит даже более отчетливо, конкретно упоминая свои прежние воплощения, например, в теле "простого индейца". Для Г. Иванова эта идея представляется привлекательной не как мысль о последовательных перевоплощениях индивидуума, но только как более расплывчатая и более "поэтическая" фантазия о перевоплощении феноменов:

А любовь — семицветною радугой станет она,
Кукованьем кукушки или камнем иль веткою дуба

("Сады", стихотворение, датированное 1921 годом).

34. Ужели все мечтать...

Напечатано впервые в "Цехе поэтов", книга 4, 1923. Стихи этого цикла и данное стихотворение, в частности, обнаруживают усиление демонического элемента в поэзии Г. Иванова. Совсем незадолго до написания этого цикла из 12 стихотворений в книге "Сады" мир переживается как предустановленная гармония:

Солоноватый ветер дышит,
Зеленоватый серп встает,
Насторожившись, ухо слышит
С о г л а с н ы й хор земли и вод.

В эмиграции это переживание непосредственно данной гармонии утрачивается. В его стихи начинают прорываться всплески мистических переживаний. Но этот спонтанный мистицизм, намеченный редким пунктиром в его поэзии не приводит, однако, к приятию и оправданию мирового порядка. В одном из своих стихотворений петербургского периода Г. Иванов писал с юношеским оптимизмом:

...А завтра новый день,
Безумный и веселый.

Но уже в этот его "эстетический" период или даже как результат эстетизма можно проследить корни будущего "несчастливого сознания". Демоничность как одна из форм "несчастливого сознания" впервые с ясной определенностью проявляется у Г. Иванова только в эмиграции, причем в первый же год после отъезда из России.

35. Прорезываются почки

Напечатано только в "Цехе поэтов", книга 4, 1923. В стихотворении заметен значительный отход от канона, наметившегося в "Садах". Поэт и критик Ю. Терапиано, знавший Г. Иванова на протяжении многих лет, писал: "До конца жизни Георгий Иванов-поэт был в беспрестанном движении, в изменении; он не хотел застыть на месте, удовлетворяясь достигнутым, и всегда стремился отойти от прежних своих книг." Здесь замечательно это подчеркивание: "Георгий Иванов-п о э т", так как в отличие от художественных и стилистических исканий и в отличие от никогда не прекращавшегося его совершенствования как мастера, духовное его развитие не представляется нам интригующим. Это стихотворение ближе по своей психологии Тинякову ("любо мне плевку, плевочку по канавке проплывать"), чем к меланхолии Блока, присутствие которого в будущих стихах Г. Иванова все заметнее. О настроении подобных стихотворений сам поэт позднее сказал: "из ада голосок". В максимальной степени те же настроения проявились в его "Распаде атома". Катарсис в этом трагическом

мироощущении не этический, а только эстетический. В одной из своих рецензий известный в эмиграции критик П. Бицилли писал о стихах Г. Иванова: "Вообразим, что человек умер и очнулся в царстве теней. Он снова живет, но живет уже как тень — и вся прежняя прожитая жизнь теперь представляется ему тоже нереальной, небывалой, но все-таки бывшей и незабываемой".

36. РАЗГОВОР (Грустно! Отчего Вам грустно)

Вместе с другими стихотворениями данного цикла ("Цех поэтов", книга 4) это произведение представляет решительный отход от принципа первоначального акмеизма: намеренно избегать глубоких психологических признаний. Акмеизм был ориентирован на интенсивность художественных приемов, в отличие от экстенсивности символизма. Экзистенциальность была вообще противопоказана акмеизму. Однако в эмиграции, по определению Р. Гуля, Г. Иванов становится именно экзистенциальным поэтом.

37. Это качается сосна

Опубликовано впервые и, насколько нам известно, единственный раз в четвертой книге альманаха "Цех поэтов", 1923. Это удивительное по своей психологической чуткости стихотворение, ведущее к порогу космического сознания, по неизвестным причинам не было включено в "Розы". Может статься, что оно не удовлетворяло критериев "парижской ноты", особенно в отношении ее тотальной безнадежности. Нам же представляется, что это одно из наиболее интересных стихотворений в русской поэзии двадцатого века. Ритмические отступления от основных размеров создают впечатление того отмеренного косноязычия, которое не менее чем слова и образы стихотворения говорит о немоте языка перед тайной бытия.

38. Забудут и отчаянье и нежность

Напечатано в журнале "Благонамеренный", книга 1, январь-февраль, Брюссель, 1926, стр. 20. Третье стихотворение в подборке из трех под заглавием "Стансы".

39. Сняет ночь и парус голубеет

"Звено", № 156, 24 января 1926, стр. 3. Напечатано в подборке под общим заглавием "Два стихотворения". Первым было "Для

чего, как на двери небесного рая"; оно вошло в "Розы" с незначительными разночтениями.

40. В дыму, в огне, в сиянии, в кружевах
"Звено", № 172, 16 мая, 1926. Напечатано в подборке под общим названием "Два стихотворения". Первым было "В тринадцатом году, еще не понимая".

41. Серебряный кораблик
"Звено", № 4, 1927. Составителю настоящего издания известны только три стихотворения Г. Иванова, написанных им для детского чтения. Кроме "Серебряного кораблика" — "Из детской уносят лампу" и "Серая обезьянка". У Г. Иванова была дочь — от первого брака. О ней известно лишь то, что ко времени написания данного стихотворения ей было около 10 — 11 лет и что она жила также во Франции, возможно в Париже.

42. Из детской уносят лампу
"Звено", № 4, 1927.
В издании стихотворений Г.Иванова под ред. В.Сечкарева и М.Далтон под № 506 приведен вариант чрезвычайно отличный от данного стихотворения.

43. НА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА РУССКИМИ

Это стихотворение впервые было опубликовано через 24 года после смерти Георгия Иванова в "Континенте" № 33, 1982, с. 395. В своем предисловии поэт Кирилл Померанцев писал: "НА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА РУССКИМИ" было написано в мае 1945 г. и записано мною после того, как Георгий Иванов мне его прочитал. Стихотворение отражает иллюзии относительно наступившего тождества СССР и России, которые у Г. Иванова были весьма кратковременны (как показывают другие его стихи). Вероятно, поэтому он даже не послал это стихотворение ни в один журнал".

Иллюзии действительно были кратковременные. После этого стихотворения — позднее — были написаны Г. Ивановым строки, которые отражают его устоявшиеся на протяжении десятилетий взгляды:

Россия тридцать лет живет в тюрьме,
На Соловках или на Колыме.
И лишь на Колыме и Соловках,
Россия та, что будет жить в веках.

Тема России исключительно важна в его творческом наследии, и звучит уже в самом первом, юношеском, сборнике его стихов (1912), находит свое крайнее выражение в "Памятнике славы" (1915) и продолжает развиваться как лубочная интерпретация "кондовой" Руси в "Лампаде" (1922). В эмиграции тема России постепенно становится все более интенсивной и трагической и выходит на одно из первых мест в стихах Г. Иванова. В предисловии к его последнему сборнику стихов (1958) Роман Гуль писал: "Георгий Иванов сейчас единственный в нашей литературе экзистенциалист". И еще: "Только три совершенно конкретные темы остаются жить в беспредметной поэзии Иванова. Это — Россия, эмиграция и Петербург".

44. Плавают в море различные рыбы

Впервые опубликовано К. Померанцевым в "Континенте", 33, 1982. "Плавают в море..." по своему характеру, стихотворному строю и ироническому настроению тесно примыкает к разделу *Rayon de Rayone* в книге "Портрет без сходства" (1950). В 1958 г., переиздавая этот сборник, хотя и не как отдельную книгу, а лишь как первую часть своего нового сборника, Иванов расширил цикл *Rayon de Rayone* до 15 стихотворений. Многие из них были написаны около 1949 г., и, по-видимому, в это же время написано стихотворение "Плавают в море различные рыбы".

45. Дождя осенняя туманность

Впервые напечатано в "Континенте" № 33, 1982; публикация Кирилла Померанцева. Об этом стихотворении Померанцев писал, что он "нашел" его "в тетради, подаренной Георгием Ивановым, где его рукой записано около 30 его стихотворений". Без изучения этой тетради датировка стихотворения затруднительна, так как этот мотив однообразия в пределах мира эмпирического встречается в его творчестве с полной определенностью уже в 1923 г. Две последние строки этого стихотворения написаны под влиянием "Телеги жизни" Пушкина. Строка "все это было, было, было" является абсолютно точной цитатой из стихотворения Блока, написанного в августе 1909 г. и начинающегося именно этими словами. В журнальной публикации ("Русская мысль") стихотворение Блока имело название "Раздумье". Именно к этому жанру "раздумья" — относится и стихотворение Г. Иванова.

46. За тридцать лет такого маянья

Опубликовано посмертно — в журнале "Грани", № 46, 1960 в подборке из двух стихотворений под общим заглавием "Посмертный дневник". Если понимать первую строку буквально — а против такого прочтения причин не имеется — то стихотворение было написано в 1952 г., т. е. через тридцать лет после отъезда из Петербурга в Берлин и через год в Париж. В крайнем случае, стихотворение было написано в 1953 г., так как отъезд Г. Иванова из Петербурга имел место осенью 1922 г. — в конце сентября, возможно, 30 сентября. Первая берлинская дата, которой мы располагаем — 11 октября. В этот день было написано коллективное предисловие к альманаху "Цех поэтов", выпуск 4. Под этим предисловием — в том числе подпись Г. Иванова. В "Новом журнале", № 63, 1961 был опубликован совершенно иной вариант стихотворения:

За сорок лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего придти в отчаянье
И мы в отчаянье пришли —

В отчаянье, в приют последний, —
Как будто мы пришли зимой
С обедни в церковке соседней
По снегу русскому домой.

47. Слава, императорские троны

Опубликовано поэтом К. Д. Померанцевым, лично знавшим Г. Иванова, — в "Альманахе 1981", Париж. Померанцев датировал это стихотворение приблизительно 1954-ым годом.

48. Ну да — немного человечности

Опубликовано в большой подборке под общим заглавием "Дневник (1954)" в "Новом журнале", № 38, 1954, стр. 155. Данное стихотворение открывает всю подборку. В журнале "Возрождение", № 89, май 1959, стр. 32 посмертно был опубликован другой вариант этого стихотворения, вошедший в "Собрание стихотворений" под редакцией В. Сечкарева и М. Далтон. В "Возрождении" этот вариант, который мы приводим ниже, датирован августом 1958 г.

Теперь бы чуточку беспечности,
Взглянуть на Павловск из окна.
А рассуждения о вечности...
Да и кому она нужна?

Не избежать мне неизбежности,
Но в блеске августовского дня
Мне хочется немного нежности
От ненавидящих меня.

Вторым стихотворением в этой подборке в "Возрождении" было "Вечер. Может быть последний", вошедшее в книгу под редакцией Сечкарева и Далтон под № 514.

49. Это было утром рано

Опубликовано в "Новом журнале", № 38, 1954, стр. 155 под номером два в большой подборке стихотворений Г. Иванова под общим заглавием "Дневник (1954)". Эпиграф взят из стихотворения О. Мандельштама, "Что поют часы-кузнечик" (1917), включенного в книгу "Tristia". Третья строфа этого стихотворения читается:

Что на крыше дождь бормочет, –
Это черный шелк горит,
Но черемуха услышит
И на дне морском простит.

50. Как тридцать лет тому назад

Опубликовано в "Новом журнале", № 38, 1954, стр. 161 под номером 15 в большой подборке стихотворений Г. Иванова под общим заглавием "Дневник (1954)".

51. Прозрачная, ущербная луна

Стихотворения в нашем издании с № 51 по № 63 включительно публикуются по статье Юрия Терапиано "Варианты" – "Мосты", № 6, 1961. "В начале 1958 года, – писал Терапиано, – у Георгия Иванова снова возникла надежда на издание 'Полного собрания' с частной помощью – и он стал просматривать и исправлять свои прежние стихи. Отсюда и появились 'Варианты'".

"Прозрачная, ущербная луна" впервые напечатано в альманахе

“Круг”, Берлин, 1936 — первое из трех стихотворений под общим заглавием “Отрывки”. Первоначально оно представляло собой четверостишие (второе в данном стихотворении). По сравнению с этой строфой, четверостишие в “Круге” имеет только пунктуационные разночтения.

52. Упал крестоносец среди копий и дыма

Первый вариант был опубликован в альманахе “Круг”, Берлин, “Парабола”, 1936. Второй вариант (в настоящем издании) написан в 1958 г.

53. Все на свете очень сложно

Первый вариант: “Круг”, Берлин, 1936. Второй вариант (в настоящем издании) — 1958.

54. А что такое вдохновенье?

Впервые напечатано в статье Терапиано “Варианты”— “Мосты”, 6, 1961. В “Собрании сочинений” под ред. В. Сечкарева и М. Далтон приведен чрезвычайно отличный вариант. “Оратор римский говорил” — первая строка стихотворения Тютчева.

55. От сумрачного вдохновенья

Написано в 1958, первая публикация в 1961. Ранний вариант этого стихотворения опубликован в сборнике “Дом искусств”, 2, 1921, стр. 34. Затем под названием “Клод Лоррен” вошло в книгу “Сады”. Характерной особенностью варианта в настоящем издании является эпитафия из В. Ходасевича, с которым в тридцатые годы у Г. Иванова были отношения, которые Ю. Терапиано назвал “литературной войной”.

56. О расставаньи на мосту

Написано в 1957. Первый вариант этого стихотворения написан в 1915. Вошло во 2-ое издание книги “Вереск”; позднее было опубликовано еще раз — в книге “Отплытие на остров Цитеру” (1937).

57. Январский день. На берегах Невы

Вариант в настоящем издании относится к 1957 или 1958. Первый вариант написан в 1922, опубликован в 1923 в “Цехе поэтов”, кн. 4, Берлин. Затем была еще журнальная публикация:

“Звено”, № 6, 1920. Вошло в “Розы” (1931) и с изменениями в “Отплытие” (1937).

58. Теперь я знаю – все воображенья

Написано в 1958. Первоначальный вариант не датирован, но очевидно – до 1920 г. и скорее всего, – в 1919 г. Первая известная нам публикация – в “Садах” (1921); вошло также во 2-ое издание “Садов” и в “Отплытие” (1937).

59. В шуме ветра, в женском плаче

Первоначальный вариант этого стихотворения датирован: сентябрь 1936. Публикации: “Современные записки” и “Отплытие” (1937).

60. Душа черства. И с каждым днем черствей

Первоначальный вариант этого стихотворения был опубликован в журнале “Новый корабль”, № 4, 1928, стр. 4. Затем – в “Розах” (1931).

61. Теплый ветер веет с юга

Первоначальный вариант этого стихотворения публиковался в “Современных записках”, № 44, 1930 и в следующем году – в “Розах” (1931).

62. Проклятие шелотом шлет палачам

Первоначальный вариант этого стихотворения напечатан в “Современных записках”, № 48, 1932, стр. 208; затем – в “Отплытии” (1937).

63. Синеватое облако

Первый (безусловно лучший) вариант был опубликован в “Современных записках”, № 31, 1927, стр. 252; затем без изменений был включен в сборник “Розы” (1931). Стихотворение, конечно, возникло под влиянием И. Анненского (его “Снег” в “Кипарисовом ларце”). Любопытно сравнить эти два стихотворения – “Снег” Анненского и первый вариант “Синеватого облака”.

СНЕГ

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски-синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег –
То сверкающий белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв;

Точно стада в тумане
Непорочные сны –
На томительной грани
Всесожженья весны.

Синеватое облако
(Холодок у виска)
Синеватое облако
И еще облака...

И старинная яблоня
(Может быть подождать?)
Простодушная яблоня
Зацветает опять.

Все какое-то русское –
(Улыбнись и нажми!)
Это облако узкое
Словно лодка с детьми.

И особенно сняя
(С первым боем часов...)
Безнадежная линия
Бесконечных лесов.

64. Серая обезьянка

Напечатано в "Новом журнале", № 59, 1960 под заглавием "Посмертный дневник", являющимся названием цикла, а не отдельного (данного) стихотворения. Однако это название хорошо было известно читателям "Нового журнала", в котором были опубликованы десятки стихотворений этого цикла. В "Собрании стихотворений" под ред. В. Сечкарева и М. Далтон опубликован другой вариант этого стихотворения. Ср. также со стихотворением "Из детской уносят лампу" (в настоящем издании).

65. И что в человеческой участи

Здесь приводится по статье Э. Голлербаха "Дары поэтов", опубликованной в альманахе "Веретено", книга 1, Берлин, 1922. О Георгии Иванове в этой статье сказано очень немного: "Особняком стоит группа 'эстетов', — которых можно бы разделить (очень условно и приблизительно) на пассаистов и новаторов. К первым можно отнести Георгия Иванова, В. Ходасевича, Георгия Адамовича и отчасти 'парнасца' М. Лозинского и 'акмеиста' Мандельштама. Вторая группа очень многочисленна. Для примера назовем С. Нельдихена..." (стр. 203). "При этом 'эстеты' — продолжает Э. Голлербах, — также, как и акмеисты (ничем от них не отличающиеся) изображают в сущности не прекрасное, а свое ощущение от него. Иногда это очень немного. Например поэтическое '*credo*' Георгия Иванова отлично выражено в одном из последних его стихотворений, где рассказывается, как охотник убил птицу и как в небо унеслась 'бездомная птичья душа'. ...В отличие от сентиментального Г. Иванова, О. Мандельштам не ограничивается рамками 'холодной певучести'" (стр. 204). Статья эта датирована автором — "март 1922". Таким образом стихи Г. Иванова представляют собой образец поэзии того времени, который последовал непосредственно по окончании работы над книгой "Сады", изданной в 1921. Голлербах не указывает, где было напечатано цитируемое им стихотворение Г. Иванова. Во всей литературе о Г. Иванове на это стихотворение больше никто из авторов, писавших о нем, не ссылается. Полный текст стихотворения нам не удалось разыскать.

66. По крыше дождя дробь

Приводится по книге И. Одоевцевой "На берегах Сены", Париж, 1983, стр. 90.

67. Творю из пустоты ненужные шедевры

Взято из некролога Г. Иванова, напечатанного в "Возрождении", № 82, октябрь 1958, стр. 123. В этом некрологе, под названием "Принц без короны" данное двустихие сопровождается следующим комментарием: "Недаром многие люто его ненавидели, как когда-то ненавидели другие люди Пушкина и Лермонтова". Это же двустихие встречается также в книге И. Одоевцевой "На берегах Сены", Париж, 1983, стр. 484. "Все почему-то решили, — пишет И. Одоевцева, — что он с горя спивается, хотя пил

он всегда в меру. И все время спрашивали его, правда ли что он пьет чистый спирт? На что он, подчеркивая этим свое презрение, отвечал, что "да, и не только чистый, но и нашатырный". Впоследствии он даже стал играть эту роль. Так, после хорошего сна, утром, выпив кофе, он писал: "Всю ночь ходил по кабакам", — а если писал женщине, то — "и думал о вас, дорогая..." Когда я говорила: "Что ты делаешь, ведь они поверят!" — он отвечал: "Пусть получает то, что хочет". И в то же время сочинял стихи:

Творю из пустоты ненужные шедевры
И слушают меня оболтусы и стервы...

68. Я за войну, за интервенцию
Печатается по некрологу "Принц без короны" — "Возрождение", № 82, октябрь 1958, стр. 123. "Друзья, настоящие, преданные, все ему прощавшие — и скверный характер, и беспощадную остроту эпитграмм, и маску циника, которой поэт прикрывал свою беспомощность и незащищенность — у него, конечно, были. Но друзья почти такие же нищие, как и он сам и без связей на эмигрантских верхах. А там на этих верхах, вероятно, принимали на свой счет такие стихи:

Я за войну, за интервенцию,
Я за Царя, хоть мертвеца,
Российскую интеллигенцию
Я презираю до конца...

Впрочем, Георгий Иванов не стеснялся и с монархистами. Вернее с политическим монархизмом..."

69. Кругом безденежье, счета от прачки
Четверостишие цитируется по той же заметке в "Возрождении", № 82, 1958, стр. 123.

70. Оцуп, Оцуп, где ты был?
Впервые и единственный раз публиковалось в книге Корнея Чуковского "Чуккокала", М., издательство "Искусство", 1979, стр. 266. На той же странице это стихотворение воспроизведено факсимиле, причем в оригинале — иная, чем у Чуковского пунктуация, вернее практически полное ее отсутствие. Под фак-

симиле — подпись: Г. И. и дата. Публикация стихотворения сопровождается комментарием Чуковского: "Один из очень юных и бойких поэтов, мелькавших тогда в Доме искусств, Николай Оцуп, как-то употребил в одном из своих стишков слово 'умеревший', вместо 'умерший'. Над этим много смеялись, особенно, помню, в семье Блока. Оцуп был замечателен тем, что временами исчезал из столицы и, возвратившись, привозил откуда-то из дальних краев такие драгоценности, как сушеная вобла, клюква, баранки, горох, овес, а порой — это звучало как чудо — двадцать или тридцать кусков сахара. Не все привезенные яства поглощал он один. Кое-какие из них он приносил в красивых пакетиках, перевязанных ленточками, высокодаровитым, но голодным писателям, получая от них в обмен то балладу, то сонет, то элегию. В Чуккокале эта деятельность юного Оцупа была высмеяна слишком жестоко — и едва ли справедливо — Георгием Ивановым" (стр. 265 — 266) .

Николай Оцуп — поэт, романист, эссеист, литературовед был сверстником Георгия Иванова (род. в 1894) и товарищем по Цеху поэтов. В начале двадцатых годов эмигрировал, успев издать в России сборник стихотворений "Град". В 1923 г. в издательстве С. Ефрона в Берлине этот сборник вышел вторым изданием. В 1928 г. вышел его сборник "В дыму" и в том же году в Париже — была издана отдельной книгой его поэма "Встреча". Основал журнал "Числа", в котором Георгий Иванов был одним из самых активных сотрудников. В 1950 г. вышел его монументальный "Дневник в стихах", содержащий что-то между 12 и 13 тысяч строк. Оценка деятельности Георгия Иванова в этом оцуповском "Дневнике" гораздо более позитивная, чем оценка "деятельности" Оцупа в приводимом в настоящем издании стихотворении Г. Иванова:

Петербург... Студенческий кружок.
Злобин и прекрасная Ларьса,
И Винавер, юный, и знаток
Стилей, и классическая крыса
N., и Маслов (горько, что убит
На заре своей певец Авроры)
И Рождественский — земляк, пнит
Царскосельский (вместе коридоры
Гимназические, вместе цех)
Даровитый, а скромнее всех,

Нежный и мечтательный попович...

**И затем уже повыше класс
Мастерства: Иванов, Адамович...**

В одной из своих статей, писавшейся через несколько месяцев после стихотворения в "Чуккокале", Г. Иванов дал отзыв на ранние стихи Оцупа: "Ник. Оцуп бесстрашно берется за большие темы, стремится сворачивать с проторенных дорожек и, если еще не завоевал ни одной незавоеванной области, то любит звонким юношеским голосом заявлять о своих намерениях. В стихах Оцупа ценно его твердое стремление идти всегда вперед, выискивать новые (или кажущиеся ему новыми) образы и ритмы, ценно его пылкое честолюбие оруженосца, стремящегося поскорей стать рыцарем. Стихи Оцупа образны, звонки, радуют своей крепкой мускулатурой и благородным холодком:

**Я спешу в осеннем трамвае,
Он осыпал листья билетов,
И стоит кондуктор, как дерево,
Голое под влажным ветром.**

Все сделанное до сих пор Оцупом, интересно как опыты талантливого и старательного ученика. Более высоких требований к его творчеству пока не следует предъявлять — оно не выдержит их тяжести".

В произведениях Оцупа имя Г. Иванова упоминается не часто, но все же неоднократно. Ограничимся одним примером из книги Оцупа "Литературные очерки". Здесь в очерке "Николай Гумилев" (в книге не датирован) Оцуп полемизирует с Г. Ивановым: " 'Письма о русской поэзии', которые Гумилев писал между 1909 и 1915 годами, очень замечательны, но вовсе не безошибочны, как утверждает Г. Иванов и как склонен допустить Брюсов... Г. Иванов, вероятно, об этом не упоминает из желания украсить Гумилева воображаемой непогрешимостью. Совершенно напрасно".

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

- ОТПЛЫТЬЕ НА О. ЦИТЕРУ. Поэзы. Книга первая. Спб., 1912.
ГОРНИЦА. Книга стихов. Спб., "Гиперборей", 1914.
ПАМЯТНИК СЛАВЫ. Стихотворения. Пг., "Лукоморье", 1915.
ВЕРЕСК. Вторая книга стихов. М.—Пг., "Альциона", 1916.
САДЫ. Третья книга стихов. Пг., "Петрополис", 1921.
ЛАМПАДА. Собрание стихотворений. Книга первая. Пг., "Мысль", 1922.
САДЫ. (Второе издание). Берлин, издательство С. Ефрон, 1922.
ЛАМПАДА. (Второе издание). Берлин, 1923.
ВЕРЕСК. Вторая книга стихов. Издание второе. Берлин—Петербург—Москва, изд. З. И. Гржебина, 1923.
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗИМЫ. Париж, "Родник", 1928.
РОЗЫ. Париж, "Родник", 1931.
ОТПЛЫТИЕ НА ОСТРОВ ЦИТЕРУ. Избранные стихи 1916—1936. Берлин, "Петрополис", (13 января) 1937.
РАСПАД АТОМА. Париж, "Дом книги", 1938.
ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА. Стихи. Париж, "Рифма", (30 апреля) 1950.
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗИМЫ. (Второе издание). Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1952.
1943—1958 СТИХИ. Нью-Йорк, изд. "Нового журнала", 1958.
СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ. Ред. В. Сечкарева и М. Далтон. Würzburg, Jal — Verlag, 1975.
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ. Париж, "Лев", 1980.

КНИГИ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА, С ЕГО УЧАСТИЕМ ИЛИ В ЕГО ПЕРЕВОДЕ

- Кольридж. "Кристабель". Берлин, "Петрополис", 1922.
Н. Гумилев. "Посмертные стихи". Пг., "Мысль", 1923.
Н. Гумилев. "Письма о русской поэзии". Пг., "Мысль", 1923.
Вольтер. "Орлеанская девственница", 2 тт., в сотрудничестве с Г. Адамовичем и Н. Гумилевым. Пг., "Всемирная литература", 1924.
"С. Ж. Пэрс". "Анабазис". В сотрудничестве с Г. Адамовичем. Париж, изд. Поволоцкого, 1926.

Н. Гумилев. "Посмертные стихи" (Третье издание). Шанхай, "Гиппокрена", 1935.

Н. Гумилев. "Чужое небо". Берлин, "Петрополис", 1936.

С. Есенин. "Избранные стихи". Париж, "Возрождение", 1951.

СТИХИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И АЛЬМАНАХАХ

1911

Вечерние строфы (Месяц стал над белым костелом); М. Кузмину (Вот письмо. Его я распечатаю) — "Гаудеамус", 6, 3 марта 1911.

Элегия (Ночь светла и небо в ярких звездах) — "Гаудеамус", 7, 10 марта 1911.

У моря (Мы вышли из комнаты душной) — "Гаудеамус", 8, 17 марта 1911.

Ранняя весна (Весна все чаще делала промахи) — "Гаудеамус", 9, 24 марта 1911.

Заря пасхальная (Господня грудь прободенная) — "Гаудеамус", 7 апреля 1911.

1913

Эти дни, что прошли чередою. — "Порывы". Литературно-художественный альманах. Книга 1913 года. 1913.

Девушка (Вечерний свет плывет в окошке) — "Нива", 41, 1913.

Иди, куда зовет призванье — "Громовые раскаты". Художественно-литературный товарищеский сборник. М., А. Д. Яшурич, 1913.

Особняк (Стучат далекие копыта) — "Современник", 11, 1913.

1914

Старинный сервиз (Кофейник, сахарница, блюда) — "Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к 'Ниве'", т. 3, 1914.

Я вижу ясно тот жестокий бой; Насильники (Насильники в культурном гриме) — "Аполлон", 6-7, 1914.

Георгий Победоносец (Идущие с песней в бой); Бельгийская песенка (Кружевницей я была) — "Аполлон", 10, 1914.

Победитель (Одной надеждою питаем) — "Солнечный путь". Южный аль-

манах. Книга 1. Одесса, 1914.

Неизъяснимая прохлада – "Пряник осиротевшим детям". Сборник в пользу убежища "Детская помощь". Пг., 1914.

Песенка у веретена (Я помню дом родной); Насильники (Насильники в культурном гриме) – "Отзвуки войны". Литературно-художественный альманах. Кн. 1. Под ред. Ю. Зубовского. Киев, 1914.

1915

К памятнику Суворова (У моста над Невою плавной) – "Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к 'Ниве'", т. 1, 1915. Галицкая песня (Неподвижны крылья мельниц) – "Современная война в русской поэзии". Вып. 1. Пг., "Новое время", 1915.

Надежда встречи стала бредней – "Зеленый цветок". Альманах. Пг., 1915.

Закат золотой. Снега.. – "Петроградские вечера". Книга 4. Пг., М. И. Семенов, 1915.

Отрывок (Июль в начале. Солнце жжет) – "Альманах стихов", выходящий в Петрограде. Под ред. Дмитрия Цензора. Вып. 1. Пг., "Цевница", 1915. Западным славянам (Не снят урожай на Червонной Руси); Как странно сердце не болит; Надежды не обманут нас; С нами Бог (Мы были слепы, стали зрячи) – "Современная война в русской поэзии". Вып. 2. Пг., "Новое время", 1915.

1916

Тяжелые дубы и камни и вода; И пение пастушеского рога – "Аполлон", 3, 1916, стр. 43.

Италия (Италия, твои амуры имя пишут) – "Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к 'Ниве'", 1916, стр. 553–554.

Имена (Где ты Селим и где моя Занра); Фонарик с лестницей, карабкаясь проворно – "Аполлон", 9 – 10, 1916, стр. 74.

Всеволоду Курдюмову (Мы скучаем зимой...); Черные вишни, лиловые сливы – "Вечер 'Триремы' ". Пг., "Трирема", 1916.

Италия! Твои амуры имя пишут; Есть в литографиях старинных мастеров – "Альманах муз". Пг., "Фелана", 1916.

1917

Моя любовь, она все та же – "Лукоморье", 2, 1917, стр. 8.

Теплятся жаркие свечи – "Лукоморье", 21 января 1917.

Куликово поле (Когда я слышу ветер веет) – "Лукоморье", 6, 4 февраля 1917.

Масляная (Опять сияют масляной) – "Лукоморье", 8, 18 февраля 1917.

1. Я разлюбил взыскующую землю; 2. Нищие, слепцы и калеки; 3. Я в жаркий полдень разлюбил; 4. Мне все мерещится тревога и закат – "Тринадцать поэтов" (Альманах), Пг., 1917.

1918

Веселый ветер гонит лед; Как хорошо и грустно вспоминать – "Весенний салон поэтов". Альманах. М., "Зерна", 1918.

1918 год (Оттепель. Похоже...) – "Камена". Литературно-художественный ежемесячник. Книга 1. Харьков–М.–Пг., "Камена", 1918.

1921

От сумрачного вдохновенья – "Дом искусств", 2, Пг., 1921.

Из облака, из пены розовой – "Дракон", Альманах стихов. Вып. 1, Пг., "Цех поэтов", 1921.

Не о любви прошу; Кровь бежит по темным жилам; В меланхолические вечера; Я вспомнил о тебе, моя могила; Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил; Золовой арфой вздыхает печаль – "Альманах Цеха поэтов", книга 2. Пг., "Цех поэтов", 1921.

1922

Вдохни, вдохни еще; Меня влечет обратно в край Гафиза – "Петербургский сборник. Поэты и беллетристы". Пг., 1922.

Мы дышим предчувствием снега и первых морозов – "Литературная мысль". Альманах. Пг., "Мысль", 1922.

Дитя гармонии, александрийский стих; Вновь с тобою рядом лежа; Оттого и томит меня шорох травы – "Цех поэтов". Кн. 3. Пг., 1922.

1923

Мне грустно такими ночами; Закрыта жарко печка – "Эпопея". Литературный сборник, 4. Берлин, 1923.

Не о любви прошу, не о весне пою; Кровь бежит по темным жилам; Ты желанна! Ты желанен!; В меланхолические вечера; Легкий месяц блеснет;

Дитя гармонии, александрийский стих; Вновь с тобою рядом лежа; Оттого и томит меня шорох травы – "Цех поэтов", 2–3. Берлин, изд. С. Ефрон, 1923.

Мы из каменных глыб создаем города; Пожалейте меня, сир; Так тихо гаснул этот день. Едва; Мы живем на круглой или плоской; Январский день. На берегу Невы; Роза (Я в мире этом); Ужели все мечтать; Не спится мне; Закрыта жарко печка; Прорезываются почки; Разговор (Грустно! Отчего вам грустно?); Это качается сосна – "Цех поэтов" Ки. 4. Берлин, 1923.

1926

Два стихотворения: 1. Для чего, как на двери небесного рая; 2. Сияет ночь и парус голубеет – "Звено", № 156, 24 января 1926.

Стансы: 1. Как лед наше бедное счастье растает; 2. Напрасно пролита кровь; 3. Забудут и отчаянье и нежность – "Благонамеренный", Книга 1, Брюссель, январь – февраль 1926.

Два стихотворения: 1. В тринадцатом году, еще не понимая; 2. В дыму, в огне, в сиянии, в кружевах – "Звено", № 172, Париж, 16 мая 1926.

1927

Стихотворения: 1. Не было измены; 2. Угрозы ни к чему; 3. Синеватое облако – "Современные записки", 31, 1927, с. 251–252.

Два стихотворения: 1. Скажи, мой друг, скажи; 2. Глядя на огонь или дремля – "Новый дом", № 3, Париж, 1927, с. 3–4.

Детские стихи: 1. Серебряный кораблик; 2. Из детской уносят лампу – "Звено", № 4, 1927.

1928

Пять стихотворений: 1. Прислушайся к дальнему пенью; 2. Так тихо гаснет этот день; 3. Не спится мне. Зажечь свечу; 4. Ужели все мечтать?; 5. По улице рассеянно мы бродим – "Звено", 2, 1928.

Два стихотворения: 1. Черная кровь из открытых жил; 2. Январский день – "Звено", 6, 1928.

Два стихотворения: 1. Грустно, друг. Все слаще все нежнее; 2. Душа черства и с каждым днем черствей – "Новый корабль", 4, Париж, 1928.

1930

1. Я слышу – история и человечество; 2. Страсть? А если нет и страсти.

– “Современные записки”, 42, с. 211–212.

Шесть стихотворений: 1. В сумраке счастья неверного; 2. Теплый ветер веет с юга; 3. Россия, Россия “рабоче-крестьянская”; 4. Это только бессмысленный рай; 5. Холодно бродить по свету; 6. Над закатами и розами – “Современные записки”, 44, 1930, с. 213–216.

Девять стихотворений: 1. Перед тем как умереть; 2. Медленно и неуверенно; 3. Когда-нибудь и где-нибудь; 4. Утро было как утро; 5. Хорошо, что нет Царя; 6. Все розы, которые в мире цвели; 7. Над розовым морем вставала луна; 8. От синих звезд, которым дела нет; 9. Синий вечер, тихий ветер – “Числа”, книга 1, Париж, 1930, с. 14–18.

1930 – 1931

И нет и да. Блестит звезда; Облетают белила, тускнеют румяна; Бессоница, которая нас мучит; Черные ветви, шум океана; Райской музыкой, грустной весной; В совершенной пустоте; Это звон бубенцов издалека – “Числа”, книга 4, Париж, 1930–1931, с. 7–9.

1931

Восемь стихотворений (1931): 1. О высок, весна; 2. Это месяц плывет по эфиру; 3. Россия счастье. Россия свет; 4. Только всего – простодушный напев; 5. Только звезды. Только синий воздух; 6. Музыка мне больше не нужна; 7. Только темная роза качнется; 8. Ни светлым именем богов – “Современные записки”, 47, 1931, с. 224–228.

1932

Из книги “Ночной смотр” 1. Слово за словом, строка за строкой; 2. Мир торжественный и томный; 3. Сиянье. В двенадцать часов по ночам; 4. Замело тебя, счастье, снегами; 5. Гаснет мир. Сияет вечер; 6. О, душа моя, могло ли быть иначе – “Современные записки”, 48, 1932, с. 207–209. Два стихотворения: 1. Я люблю эти снежные горы; 2. Обледенелые миры – “Современные записки”, 50, 1932.

1933

1. Час от часу. Год от году; 2. Душа человека. Такою – “Числа”, книга 7–8, Париж, 1933.

Ямбы: 1. Как туча стала Иудея; 2. Все до конца переменилось – “Сов-

ременные записки", 53, 1933, с. 210.

1934

Жизнь бессмысленную прожил – "Встречи", № 1, Берлин, 1934.

Стихотворения: Был замысел странно порочен; 2. Так или этак; 3. Звезды сияют, деревья качаются – "Современные записки", № 55, 1934, с. 190–191.

1936

Я тебя не вспоминаю; В шуме ветра, в детском плаче – "Современные записки", № 62, 1936, с. 183–184.

Отрывки: 1. Прощай. И скрипка падает из рук; 2. Упал крестоносец среди копий и дыма; 3. Все на свете очень сложно – "Круг". Альманах. Берлин, "Парабола", 1936.

1946

Он спал, и Офелия снилась ему; Видишь мост. За этим мостом – "Русский сборник", книга 1. Париж, "Подорожник", 1946.

1947

Десять стихотворений: 1. Тихим вечером, в тихом саду; 2. Все неизменно и все изменилось; 3. А люди? Ну на что мне люди? 4. Маятника мерное качанье; 5. Образ полусотворенный; 6. Она летит, весна чужая; 7. Синие сумерки этой страны; 8. С бесчеловечною судьбой; 9. В конце концов судьба любая; 10. Как туман на рассвете – чужая душа – "Ормон". Литературный альманах под ред. Ю. Одарченко, В. Смоленского, А. Шайкевича. Париж, 1947, с. 13–17.

1949

Зазеваешься мечтая; Ничего не вернуть – "Возрождение", № 1, январь 1949

Лунатик в пустоту глядит; Воскресают мертвецы; В тишине вздохнула жаба; Все еще дышу люблю; Что-то сбудется, что-то не сбудется – "Новый журнал", № 22, 1949.

Теперь тебя не уничтожат; Россия тридцать лет живет в тюрьме; Несколько поэтов. Достоевский – "Возрождение", № 5, сентябрь – октябрь, 1949.

1950

Из книги "Портрет без сходства": Друг друга отражают зеркала; В награду за мои грехи; Летний вечер прозрачный и грузный; В пышном доме графа Зубова; День превратился в свое отраженье; Тамаре Карсавиной (написано на книге); Все неизменно и все изменилось – "Возрождение", № 39, май–июнь, 1950.

1951

Стихи 1950 года: Четверть века прошло за границей; Я хотел бы улыбнуться; Мы не молоды, но и не стары; Я не знал никогда ни любви, ни участия; Теперь, когда я сгнил и черви обгладали; То, что было и то, чего не было; О нет, не обращаюсь к миру я; Если бы я мог забыться; Эмалевый крестик в петлице; Как обидно – чудным даром; Как все бесцветно, все безвкусно; Еще я нахожу очарованье; С пышно развевающимся флагом; Мелодия становится цветком; Этой жизни нелепость и нежность; Почти не видно человека; Солнце село и краски погасли; Я научился понемногу; На границе снега и таянья; Игра судьбы. Игра добра и зла. – "Новый журнал", № 25, 1951.

1952

Не обманывают только сны; Все сны, все непостоянство; Просил. Но никто не помог; Когда-нибудь – когда устанешь ты – "Литературный современник", № 3, Мюнхен, 1952.

Позняя: искусственная поза; Мне больше не страшно. Мне томно; Торжественно кончается весна; Меняется прическа и костюм – "Новый журнал", № 31, 1952.

1953

Из стихов 1952-го года: Все представляю в блаженном тумане я; На один восхитительный миг; Ветер с Невы. Леденеющий март; А еще недавно было все, что надо – "Опыты", 1, 1953.

Дневник (март – май 1953): Насладись пока не поздно; Чем дальше живу я тем менее; Цветущих яблонь тень сквозная; Звезды меркли в бледнеющем небе; Все туман. Бреду в тумане я; Не станет ни Европы, ни Америки; Что мне нравится – того я не имею; Тускнеющий вечерний час; Полу-жалость. Полу-отращенье; Стоят сады в сянью бело-снежном; Здесь

в лесах даже розы цветут; Я твердо решился и тут же забыл – "Новый журнал", № 33, 1953.

1954

История. Время. Пространство.; Белая лошадь бредет без упряжки – "Литературный современник". Альманах. Мюнхен, 1954, с. 37.

Дневник: (1954): Ну да – немного человечности; Это было утром рано; Луны начищенный пятак; "Желтофиоль" – похоже на фиолетовую; Все на свете пропадает даром; Деревья, автомобили; Жизнь пришла в порядок; Сознание как море; Калитка закрылась со скрипом; Я люблю безнадежный покой; На полянке поутру; Волны шумели: "скорее, скорее"; Как тридцать лет тому назад; Эти сумерки вечерние; Может быть умру я в Ницце; Распыленный миллионом мельчайших частиц – "Новый журнал", № 38, 1954.

1955

Дневник (1955): Истории зловещий трюм; Вот более или менее; Мимозы солнечные ветки; Овеянный тускнеющей славой; Голубизна чужого моря; Жизнь продолжается рассудку вопреки; Паспорт мой сгорел когда-то; Полутона рябины и малины; Голубая речка; Ты не расслышала, а я не повторил; Листья падали, падали, падали – "Новый журнал", № 42, 1955.

1956

Дневник (1955–1956): Нет в России даже дорогих могил; Уплывают маленькие ялики; Закат в полнеба занесен; Никому я не враг и не друг; На юге Франции прекрасны; Стало тревожно-прохладно; Памяти провалы и пустоты; Построили и разорили Троию; Кавалергардский или конный полк; Повторяются дождик и снег; Мне весна ничего не сказала; Все на свете дело случая; Так, занимаясь пустяками; Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш – "Новый журнал", № 44, 1956.

1957

Иду и думаю о разном; Свободен путь под Фермопилами – "Новый журнал", № 48, 1957.

Бредет старик на рыбный рынок; Нечего тебе тревожиться – "Новый журнал", № 50, 1957.

Стансы (2 стихотворения) : – "Возрождение", № 36, апрель 1957.
Дневник 1957: Скучно, скучно мне до одуренья! ; Накипевшая за годы;
Смилоствивлась погода; Туман. Передо мной дорога; Отвлеченной слож-
ностью персидского ковра; Нечего тебе тревожиться – "Новый журнал",
№ 51, 1957.

1958

Посмертный дневник: 1. Александр Сергенч, я о вас скучаю; 2. Кошка
крадется по светлой дорожке; 3. Я жил как-будто бы в тумане; 4. Мне
уж не придется впредь; 5. В громе ваших барабанов – "Новый журнал",
№ 54, 1958.

Вот дуры едут в первом классе – "Русская мысль", Париж, 18 октября
1958.

Из неопубликованных стихотворений: Умер булочник сосед; Собиратели
марок, эстеты (1948) – "Возрождение", № 83, ноябрь 1958.

Посмертный дневник: 1. А может быть еще и не конец?; 2. Воскресенье.
Удушья прилив и отлив; 3. Ку-ку-реку или бре-ке-ке-ке?; 4. Аспазия,
всегда Аспазия; 5. Ночь как Сахара, как ад горяча – "Новый журнал",
№ 55, 1958.

1959

Посмертный дневник: 1. Ночных часов тяжелый бой; 2. На барабане б
мне прогреметь; 3. Дымные пятна соседних окон; 4. Меня уносит океан;
5. Зачем как шальные свистят соловьи; 6. Все розы увяли. И пальма
замерзла; 7. В зеркале сутулый, тощий; 8. "Побрили Кикапу в последний
раз"; 9. Было все – и тюрьма, и сума – "Новый журнал", № 56, 1959.
И сорок лет спустя мы спорим; Я в вашем доме гость случайный – "Воз-
рождение", № 85, январь 1959.

Человек природно-мелкий (1950) "Возрождение", № 86, февраль 1959.
Не было измены; Как в Грецию Байрон; С бесчеловечною судьбой; Мело-
дия становится цветком; Белая лошадь бредет без упряжки; Распылен-
ный миллионами мельчайших частиц – "Грани", 8 44, 1959, с. 16–17.

Теперь бы чуточку беспечности; Вечер. Может быть последний – "Воз-
рождение", № 89, май 1959.

Посмертный дневник: 1. Пароходы в море тонут; 2. В ветвях олеандровых
трель соловья – "Новый журнал", № 58, 1959.

1960

За тридцать лет такого маянья; До нелепости смешно – "Грани", № 46, 1960.

Посмертный дневник: 1. Строка за строкой. Тоска. Облака; 2. Из спальни уносят лампу – "Новый журнал", № 59, 1960.

1961

Посмертный дневник: 1. А что такое вдохновенье?; 2. Вас осуждать бы стал с какой же стати я – "Новый журнал", № 60, 1961.

Посмертный дневник: 1. За сорок лет такого маянья; 2. До нелепости смешно – "Новый журнал", № 63, 1961.

Варианты, впервые опубликованные Ю. Терапнано: Прозрачная, ущербная луна; Упал крестоносец среди копий и дыма; Все на свете очень сложно; А что такое вдохновенье?; От сумрачного вдохновенья; О расставаньи на мосту; Январский день. На берегах Невы; Теперь я знаю – все воображенье; В шуме ветра, в женском плаче; Душа черства. И с каждым днем черствей; Теплый ветер веет с юга; Проклятие шепотом шлем палачам; Снежатое облако – Ю. Терапнано, "Варианты", "Мосты", № 6, 1961.

1981

Слава императорского трона – Публикация К. Д. Померанцева, "Альманах 1981", Париж, 1981.

1982

Плавают в море различные рыбы; Дождя юсенняя туманность; На взятие Берлина русскими (Над облаками и веками) – Публикация К. Д. Померанцева, "Континент", № 33, 1982.

Письмо в конверте с красной прокладкой (а также примечания к этому стихотворению, посвященному А. Блоку) – "Литературное наследство", т. 92, книга третья, М., "Наука", 1982.

АНТОЛОГИИ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ИВАНОВА

1. Эротика в русской поэзии. Ред. Б. Бродский, 1922, с. 178–182.
2. Петербург в стихотворениях русских поэтов. 1923, с. 32, 99.

3. Русская поэзия XX века. Составители Ежов и Шамурин. М., "Новая Москва", 1925.
4. Якорь. Антология зарубежной поэзии. Составители Г. Адамович и М. Кантор. Берлин, "Петрополис", 1936, с. 48–55.
5. На Западе. Антология русской зарубежной поэзии. Составитель Ю. П. Иваск, Нью-Йорк, 1953.
6. Муза диаспоры. Ред. Ю. Терапиано, 1960, с. 47–50.
7. Чтец-декламатор. Изд. Н. Мартьямова. Нью-Йорк, 1962 (16 стихотворений).
8. The Penguin Book of Russian Verse. Ed. D. Obolensky, 1962.
9. Жемчужины русского поэтического творчества. Составитель Т. Березний. Нью-Йорк, 1964, с. 295–301 (15 стихотворений).
10. Modern Russian Poetry. Ed. by V. Markov and M. Sparks, England, 1966.
11. Вне России. Ред. Х. Тьялсма. Мюнхен, 1978.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

П р е д и с л о в и е	7
1. 26 августа 1912 г.	11
2. Н а с и л ь н и к и (Насильники в культурном гриме)	12
3. Надежда встречи стала бредней	13
4. С н а м и Б о г (Мы были слепы, стали зрячи)	14
5. З а п а д н ы м с л а в я н а м (Не снят урожай на Червонной Руси)	15
6. Снега буреют, тая	16
7. Снова влечет тебя светлое знамя!	18
8. Люблю рассветное сиянье	19
9. П е т р о г р а д с к и е в о л ш е б с т в а (Заря поблекла, и редееет)	20
10. И т а л ь я н с к а я п е с н я (Мы родились в Тоскане старой)	21
11. Г о д о в щ и н а в о й н ы (Выхожу я из леса. Закатный) .	23
12. У п а м я т н и к а П е т р а (Уже чугунную ограду)	25
13. П о к р о в (О, тихое веселье)	26
14. Б о л г а р а м (Свершилось. Хитростью упорной)	28
15. Н о в о г о д и н е с т а н с ы (Здесь мебель в стиле рококо)	30
16. М о р о з и с о л н ц е, о п я т ь и о п я т ь	32
17. М о с к в а (Опять в минувшее влюбленный)	33
18. Р у с с к а я в е с н а (О, тайное томленье)	35
19 – 21. С т и х и о П е т р о г р а д е	
Н а н е б е о с е н н е м ф а б р и ч н ы е т р у б ы	37
Н е в р е м я г р о з н о е П е т р а	37
А л ю д и п р о х о д я т, а л ю д и н е в и д я т	39
22. Я с л ы ш у с в я т ы е в о с т о р г и	40
23. В е р х а р и (Мы все скользим над некой бездной)	41
24. С в я т о ч н а я п о е з д к а (Настали солнечные святки) .	43
25. Т е п л я т с я ж а р к и е с в е ч и	45
26. К у л и к о в о п о л е (Когда я слышу – ветер воет)	46

27. Д е к а б р и с т ы	48
28. Мы дышим предчувствием снега и первых морозов	50
29. Вздохни, вздохни еще, чтоб душу взволновать	51
30. Мы из каменных глыб создаем города	52
31. Пожалейте меня, сир!	53
32. Мы живем на круглой или плоской	54
33. Р о з а (Я в мире этом)	55
34. Ужели все мечтать, ужели все надеяться	56
35. Прорезываются почки	57
36. Р а з г о в о р (Грустно! Отчего Вам грустно)	58
37. Это качается сосна	59
38. Забудут и отчаянье и нежность	60
39. Сняет ночь и парус голубеет	61
40. В дыму, в огне, в сияньи, в кружевах –	62
41. Серебряный кораблик	63
42. Из детской уносят лампу	64
43. Н а в з я т и е Б е р л и н а р у с с к и м и н (Над облаками н веками)	65
44. Плавают в море различные рыбы	66
45. Дождя осенняя туманность	67
46. За тридцать лет такого маянья	68
47. Слава, императорские троны	69
48. Ну да – немного человечности	70
49. Это было утром рано	71
50. Как тридцать лет тому назад	72
51. Прозрачная, ущербная луна	73
52. Упал крестоносец среди копий и дыма	74
53. Все на свете очень сложно	75
54. А что такое вдохновенье?	76
55. От сумрачного вдохновенья	77
56. О расставаньи на мосту	78
57. Яиварский день. На берегах Невы	79
58. Теперь я знаю – все воображенье	80
59. В шуме ветра, в женском плаче	81
60. Душа черства. И с каждым днем черствей	82
61. Теплый ветер веет с юга	83
62. Проклятие шепотом шлем палачам	84
63. Синеватое облако	85
64. Серая обезьянка	86

[Фрагменты]	
65. И что в человеческой участи	87
66. По крыше дождя дробь	87
67. Творю из пустоты ненужные шедевры	87
68. Я за войну, за интервенцию	87
69. Кругом безденежье, счета от прачки	87
[Шуточное]	
70. Оцуп, Оцуп, где ты был?	88
[Д в е с т р о ф ы].	89

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Г. В. ИВАНОВУ

От составителя	91
Игорь СЕВЕРЯНИН. Сонет	93
Игорь СЕВЕРЯНИН. Диссона	94
Н. ГУМИЛЕВ. Надпись на книге	95
О. МАНДЕЛЬШТАМ. Царское Село	96
А. СКАЛДИН. Стадо к полудню уснет	97
А. АХМАТОВА. Бисерным почерком пишете, Lise	98
Г. АДАМОВИЧ. Но, правда, жить и помнить скучно!	99
Н. ГУМИЛЕВ. Разговор	100
И. ОДОЕВЦЕВА. Летят на юг соловьи	102
Б. ПОПЛАВСКИЙ. Роза смерти	103
Б. ПОПЛАВСКИЙ. В холодных душах свет зари	104
Ю. ТРУБЕЦКОЙ. Он неожиданно пришел	105
К. ПОМЕРАНЦЕВ. Сумерки... Море... Любовь... Вдохнове- ние...	106
В. СУМБАТОВ. "Г и п е р б о р е й"	107
В. СМОЛЕНСКИЙ. Умер друг — не плачь, душа, не надо...	108
В. СМОЛЕНСКИЙ. Тихо, тихо тает высь...	109
И. ОДОЕВЦЕВА. Но была ли на самом деле	110
Т. ВЕЛИЧКОВСКАЯ. Памяти Георгия Иванова	111
О. МОЖАЙСКАЯ. Памяти Георгия Иванова	112
Игорь ЧИННОВ. О, Плаида-Судьба, поминдальничай	113
А. РАДАШКЕВИЧ. Георгий Иванов	114
КОММЕНТАРИИ	116
БИБЛИОГРАФИЯ	141

